

ХВАН СОГЁН НА ЗАКАТЕ

Перевод с корейского
Марии Кузнецовой

Санкт-Петербург

ГИПЕРИН

2022

Лекция закончилась.

Проектор погас, и изображение на экране исчезло.

Я выпил почти полбутылки воды, что стояла на кафедре, и пошел вниз между слушателями, которые загалдели и начали подниматься со своих мест. Лекция на тему «Городской дизайн и развитие исторического центра» вызывала интерес, и народу собралось достаточно. Заведующий кафедрой, возглавлявший гражданский комитет городского планирования, проводил меня к дверям. Я вышел вслед за ним из зала в вестибюль. Люди направлялись к выходу, как вдруг я увидел, что ко мне сквозь толпу пытается протиснуться какая-то девушка.

— Господин Пак!

Она выглядела просто: в джинсах и футболке, не покрашенная, распущенные волосы средней длины. Я замедлил шаг.

— Мне нужно вам кое-что передать.

Я растерянно смотрел то на молодую женщину, то на записку, которую она мне протягивала. Там были мелко записаны какие-то цифры — кажется, номер телефона, и крупными буквами — имя.

— Что это? — принимая от нее записку, спросил я.

— Это от одного человека, которого вы очень хорошо знали когда-то... Пожалуйста, позвоните по этому телефону, — нерешительно пятась назад, проговорила она.

Прежде чем я успел спросить что-то еще, незнакомка затерялась в толпе.

Я приехал в городок Ёнсан, получив сообщение от жены Юн Пёнгу. Это мой друг детства. В Ёнсане я окончил начальную школу; Пёнгу был моим ровесником и жил по соседству. В нашем городке многие держали лавочки на центральной улице или работали в уездной администрации, некоторые — в школе; жили в традиционных домиках с черепичными крышами с просторными дворами и владели небольшими участками пахотной земли в уезде. Мой отец был секретарем в администрации, и мы жили на его скромную зарплату.

Прогремела и закончилась война, а в нашем Ёнсане, который был отгорожен от линии

фронта рекой Нактонган, все осталось по-старому. Отец отслужил, вернулся живым, получил работу, и мать говорила, что не видать бы ему этой должности, если бы не медаль за подвиг в битве за какую-то высоту и если бы раньше он не зарекомендовал себя в администрации, выполняя мелкие поручения. Из всех городских парней, которые только в земле возиться умели, он единственный ходил в школу, умел читать и писать по-японски и учил иероглифику. На низеньком столе отца аккуратно лежали старые, с пожелтевшими от времени уголками книги «Шесть кодексов» и «Государственное управление». Наверное, поэтому-то он и смог потом переехать в столицу. Мы жили небогато, но каждый месяц мой отец получал зарплату от государства, и каждый год поспевал урожай на тех клочках земли, которые получила в наследство мама. Пять маленьких земельных наделов достались ей в приданое от деда.

Мы жили на окраине у подножия горы в доме с тремя комнатами, соединенными террасой. Дом Пёнгу стоял выше нашего, отделенный от него каменной оградой. Это была в прямом смысле слова лачуга с двумя комнатушками и кухней: глиняные стены венчала соломенная крыша — единственное, что со временем переделали, — крышу покрыли

шифером. Хотя мы с Пёнгу дружили в детстве, я, по правде сказать, его плохо знал. Когда я окончил начальную школу, наша семья переехала в Сеул. Мы встретились снова спустя десятки лет, когда мне уже было около сорока. Это случилось в каком-то кафе в центре Сеула.

— Помнишь меня?

Я уловил в речи мужчины родной южный говор, но кто это — понять не мог. Судя по черному деловому костюму и белому воротничку — какой-то чиновник. Но стоило ему произнести свое имя, Юн Пёнгу, и напомнить о городке Ёнсан, я, будто избавившись от чар забвения, вспомнил его прозвище.

— Горелый батат? Ты?

Даже с родными по крови не о чем говорить, если с последней встречи прошло больше двадцати лет. В таких случаях обычно перекидываются парой вопросов о семьях, о том, как вообще в целом проходит жизнь, выпивают вместе по чашечке кофе, обмениваются телефонами и визитками, без особого энтузиазма договариваются как-нибудь встретиться выпить и расстанутся. После этого уже не видятся никогда, созваниваются от силы пару раз, а даже если и придется пересечься — посидят в какой-нибудь унылой забегаловке и снова расходятся надолго. Большинство людей заня-

ты своими делами, и даже родственники, если нет у них ничего общего, общаются друг с другом разве что на поминках. Но наши отношения с Юн Пёнгу обрели новое начало благодаря тому, что я работал в «Хёнсан констракшн», а он — в строительной компании в городе Ённам. Когда я вспомнил его прозвище, Горелый батат, он порывисто схватил меня за руки и, запинаясь, пробормотал: «Ты... не забыл?»

В дальнем левом углу нашего двора рос вяз в несколько обхватов, за ним была изгородь, разделявшая наши с Пёнгу дома. Каждое утро он, высовывая голову из-за забора, кричал мне: «Пошли в школу!» Его дом стоял на пригорке, там, где заканчивалась улица с жилыми постройками и начинался молодой сосновый бор. После войны крестьяне, которые арендовали землю у государства, занимали прилегающие клочки земли и строили на них хижины, складывая стены из камней и глины. Так на окраине городка появилось поселение в дюжину лачуг. Местные крестьяне выполняли небольшие административные поручения, работали малярами и плотниками, а в период сбора урожая помогали в соседних деревнях — тем и жили. Я тоже родился в одном из таких домов, а семья Пёнгу переехала сюда, кажется, когда я пошел в третий класс, точно не помню. В первый же

день по приезде он сделал вид, что уже знаком со мной, и мы весь вечер гуляли на горе за домами. Помню, как добрая мама Пёнгу, накопав батата, принесла нам несколько плодов в ковше на пробу. Иногда Пёнгу приносил батат в школу на обед. Отец Пёнгу часто где-то пропадал, а когда возвращался — пил, ругался и колотил жену. Я слышал, он работал прорабом на стройке в соседнем городе.

Пёнгу запомнился мне еще и потому, что однажды мы с ним забрались на гору, чтобы запечь батат на костре, и устроили пожар. Мы увлеченно чистили плоды от горячей шкурки и глазом моргнуть не успели, как искры подожгли сухие ветки. Мы скинули одежду и носились как полоумные, пытаюсь потушить ею огонь и затоптать его ногами. Но ничего не помогало — огня становилось все больше, он уже окружал нас со всех сторон. Из последних сил я понесся вниз с горы, крича, что горит лес; услышав мои вопли, взрослые выскакивали из домов. До темноты люди со всей окрестности сражались с огнем и насилу потушили его.

Во время всей этой суматохи мы с Пёнгу прятались в зале заседаний в администрации. Это помещение использовалось по расписанию: иногда здесь проходили лекции, иногда — занятия тхэквондо. Опершись друг о друга, мы

дремали в темноте. Наши родственники и соседи всю ночь бегали по лесу, пытаясь нас отыскать. Только на следующий день, придя в школу, мы узнали, как прославились. В наказание нас заставили стоять перед учительской с табличкой «Берегите лес от пожаров» в руках. Тогда-то к Пёнгу и прицепилось прозвище Горелый батат, не помню, чтобы до этого кто-то его так называл. Эта кличка очень шла Пёнгу — невысокому, пухленькому мальчугану со смуглым круглым лицом, на котором поблескивали умные глаза.

По чистой случайности так совпало, что я выучился на строителя, а Пёнгу стал представителем строительной компании, и позже мы сблизились, потому что были нужны друг другу. О том, как жила семья Пёнгу после нашего отъезда из Ёнсана, я узнал во всех подробностях в каком-то японском ресторанчике в тот же день, что мы повстречались впервые за столько лет. Каким бы горьким и трудным ни было прошлое, когда мы говорим о нем вслух, кажется, в нем нет ничего особенного. Все равно что рассказывать сегодняшней молодежи, как голодные мальчишки пили воду из колонки на школьном стадионе.

Учился Пёнгу хуже некуда, и денег, чтобы платить за обучение, у его семьи не было, так

что несколько лет спустя он бросил школу и болтался какое-то время: то газеты разносил, то торговал с рук, то тяжело не по годам работал, разгружая машины. Его отец очередной раз пропал из города и не вернулся, а доброй матушке Пёнгу пришлось идти работать в закусочную. Вскоре после этого его младшая сестра уехала из дома учиться на парикмахера. Мы оба отслужили в армии. Меня забрали во время учебы в университете, поэтому я служил позже него. Пёнгу попал в инженерные войска, там научился управляться с крупной строительной техникой, и это изменило всю его жизнь. После демобилизации он сразу получил лицензию на работу и окунулся с головой в идущий полным ходом процесс модернизации сельского хозяйства.

Он арендовал экскаватор и влился в работу, связанную с земельной реформой. Большим спросом пользовалось все, что помогало Движению «за новую деревню»*, например пере-

* Движение «за новую деревню» — комплекс мер, направленных на модернизацию деревни, инициированный правительством Республики Корея в 1970 г. Особое внимание уделялось работам общинного значения: строительству новых дорог и коммуникаций, сооружению общественных зданий, школ, больниц, модернизации жилых помещений.

устройство покинутых бедняками клочков земли в интересах крестьян побогаче. Сельскохозяйственные участки переделывали на новый лад и обустроивали там систему водоснабжения. Инициативные люди на местах совместно с окружной администрацией трудились не покладая рук, и Пёнгу стал незаменимым звеном в этой цепи. Вскоре он приобрел еще несколько экскаваторов и вышел на областной уровень. Потом покори́л новый рубеж, заведя знакомства в правительстве и судах. У него было несколько видов визиток, на которых в ряд красовались многочисленные должности. Представитель строительной компании, лидер молодежного движения в консультативном комитете, председатель стипендиальной комиссии, член молодежной торговой палаты, Ротари-клуба, Лайонз-клуба и тому подобное. Когда мы повстречались, он как раз принял управление обанкротившейся строительной компанией и приступал к возведению многоэтажного жилого дома в крупном городе. Мы стали часто созваниваться и встречаться по рабочим делам, и даже организовали несколько совместных проектов.

Его жена написала мне: «Пёнгу очень плох. До болезни он часто вспоминал вас, пожалуйста, приезжайте».

Ехать не хотелось, но я все же отправился в Ёнсан. Почему? Может, из-за слов, что обронил несколькими днями раньше мой приятель, Ким Киён: «Пространство, время, люди... Да были ли на стройках люди? А если были, ох и натворили вы дел. Всем вам из „Хёнсан констракшн“ не мешало бы задуматься об этом».

Киён учился со мной в университете курсом старше. Он умирал от рака, и я не стал вступать в споры. Улыбнулся ему. Нравился он мне. Его безрассудная искренность, его безответная любовь к миру и людям не смешили, а привлекали меня. Говорили, что наивность свойственна бесталанным, но я считал, что в наивности и был его талант. Однако для себя я твердо решил, что невзаимные чувства к миру не для меня, и моя снисходительность к Киёну была сродни развлечению, я просто наблюдал за ним с безопасного расстояния. Я уже давно понял, что людям нельзя доверять. Со временем человеческий эгоизм отфильтровывает большую часть ценностей, переплавляя их в то, что ему выгодно, или вовсе выбрасывая. А то, что осталось, хранится где-то на задворках памяти, как старый негодный хлам на чердаке. Ведь из чего в конечном итоге строятся здания? Деньги и власть решают. Только они создают несущие воспоминания, которые живут долго.

Из-за холма показался Ёнсан. Мне вспомнилась ночь, когда мы уезжали. Отец сидел за рулем, мама рядом с ним, а мы с братишкой, скрючившись, примостились между вещами в кузове. Грузовик несся по бетонке, с грохотом подпрыгивал и кренился на поворотах, заставляя каждый раз дребезжать ящик с посудой. Перебили добрую половину, это точно. Занимался рассвет, мы, остановившись у шоссе на Сеул, ненадолго вышли из машины, чтобы перекусить. Не успев поесть перед отъездом, мы сильно проголодались и теперь жадно глотали обжигающий суп. «Убегаем ночью, как воры», — не сдержала слез мама.

Мне случилось заезжать в Ёнсан пятнадцать лет назад. Пёнгу тогда хлопотал, чтобы купить дом в родных местах. Он часто говорил, что люди не должны забывать свои корни. Я усмехался в ответ, однако чувствовал угрызения совести. Пёнгу выкупил по высокой цене у семьи Чо, крупных землевладельцев в прошлом, сосновый бор на склоне горы с видом на водохранилище. К тому времени от нашего старого городка уже мало чего осталось. Считается, что в деревне время течет медленнее, чем в городе, но для тех, кто давно уехал, словно включается ускоренное видео. Кажется, что десять лет пролетели как один миг, и, когда

решаешь навестить-таки родные места, видишь, что знакомые лица за этот миг исчезли, а центральная улица обросла новостройками и теперь ничем не отличается от любой улицы Сеула. Пролетели годы, как пейзажи за окном мчащегося поезда.

Увидев меня, жена Юн Пёнгу вытерла слезы салфеткой. Бывшая учительница средней школы, она вышла замуж за Пёнгу в начале восьмидесятых, когда он вступал в пору своего расцвета. Думаю, он старался быть хорошим мужем. У палаты, поймав мой взгляд, жена Пёнгу прошептала, будто самой себе:

— Говорила ему, политика до добра не доведет.

Пёнгу был без сознания после недавней операции. Может, это и к лучшему. Суд отложили на неделю. Наверняка тем, кто был причастен к делу, сейчас полегчало. Я немного посидел у изголовья кровати Пёнгу, который лежал, как мертвый, в окружении медицинских приборов. Его лицо наполовину закрывала дыхательная маска. Жена Пёнгу рассказала, что сын хотел перевезти Пёнгу в областную больницу, но побоялись, что по дороге ему может стать хуже, и оставили его здесь. За ужином я спросил у старшего сына Пёнгу, зачем они меня сюда вызвали. Оказалось, Пён-

гу с некоторого времени задумал построить мемориал на месте, где раньше стояли наши дома.

— Он как хотел: взять землю, где были дома, построить здание по вашему проекту и открыть культурный фонд.

Я усмехнулся про себя, но ответил серьезно:

— Придет в себя, вот тогда и подумаем.

Сын Пёнгу, который управлял компанией отца в Сеуле, тут же смекнул, что разговор неуместен. Пока мы ужинали, он несколько раз выходил, чтобы ответить на телефонные звонки, и было слышно, как он на повышенных тонах отдает распоряжения. Он говорил, что якобы его волнует состояние маленьких городков, типа Ёнсана, где никто не хотел больше жить. Мол, повсюду в округе стоят дома, где в лучшем случае живут одинокие старики, а то и вовсе никто. Желая показаться хорошо осведомленным, он важно произнес: «Молодое зерно здесь давным-давно засохло». И в общем-то это было недалеко от истины: вот взять хотя бы меня или сына Пёнгу — такие, как мы, в подобных местах бывают хорошо если пару раз в год.

Уже смеркалось, когда я зашел в мотель, который отыскал для меня сын Пёнгу. Тут все было оборудовано по последнему слову

техники — камеры наблюдения по обеим сторонам коридора, в номере все необходимое: от освещения на пульте управления до телевизора и кондиционера. В незнакомом месте заснуть не получалось. Ворча, зачем было в деревне устанавливать фонари на каждом углу, я тщательно задернул шторы, чтобы из окон в комнату не проникал свет.

Проснулся я непривычно рано. Электронные часы, стоявшие на поблескивавшем в темноте столике, показывали семь десять утра. Я с юности любил поспать подольше. В отличие от обычных офисов, в строительных компаниях, где я работал, каждый делал свои дела по заранее подготовленному плану, и никаких съедающих время творческих инициатив не требовалось. А когда я стал управляющим, то вообще бывал на работе в дневное время два-три раза в неделю: приходил после десяти утра и, если не было важных дел, быстро уходил. Всю жизнь я работал по ночам и привык приниматься за дела только вечером, когда все коллеги уходили домой.

Несмотря на раннее утро, мне не удалось вдоволь поваляться в постели. Мотель стоял на дороге, рядом с остановкой междугородних автобусов. Деревенские жители были всё такими же работающими, как и раньше. На

остановке уже стояли многочисленные такси и толпились люди. Ворча, на кой местным столько машин, я побрел на главную улицу. По обеим ее сторонам выросли дома в два-три этажа, сменив низенькие лавчонки. Сама дорога осталась, но заметно расширилась.

Повернув на перекрестке направо, я стал подниматься по дороге вверх, прошел мимо здания администрации и Дома культуры и огляделся в поисках соснового бора, который должен был начинаться где-то здесь. Там, где раньше был переулок, теперь тянулась мощеная дорога. Не было больше длинных каменных изгородей по обеим сторонам улицы. Вдоль дороги выстроились все те же двух-трехэтажные дома правильной квадратной формы. Разглядев очертания горы позади городка, я взял левее. Поднимаясь дальше, я наткнулся на бетонную крышку водостока и понял, что иду правильно. Раньше тут бежал небольшой ручей. Отец частенько падал в него, возвращаясь домой навеселе. А я ловил тут лягушек.

В поле виднелась пара домиков. Нашего дома не было. Пятнадцать лет назад кто-то еще жил в нем, но, похоже, что по мере того, как он ветшал, его забросили, а потом и вовсе сломали. Я вспомнил про толстенный вяз, что рос во дворе у Пёngu. Вяза тоже не было. Его

срубили, и от него остался только трухлявый пенёк, заросший грибами. К тому месту, где раньше стоял дом Пёнгу, аккуратными широкими полосами тянулись прикрытые черным полиэтиленом грядки с перцем. Лес на пригорке стал гуще и потемнел.

Процветающий вид городка резко контрастировал с пустотой на улицах. Похожие на коробки дома, мотель, торговый центр выросли там, где почти не было людей. Зовущий к ужину дымок не поднимался больше над низкими крышами. Вид, который открывался с пригорка, был настолько типичным, что город можно было спутать с любым другим в стране. Иногда казалось даже, что находишься где-то в пригороде Сеула. Будто бы ни меня, ни Горелого батата, ни умерших уже отца и матери, ни нашего городка — ничего этого никогда и не существовало на земле.

На выходных из Америки позвонила дочка. Неторопливо рассказала, как они провели прошедший месяц. Она была моим единственным ребенком. Окончила медицинский институт, устроилась работать в больницу и вышла замуж за американца, преподавателя университета. Уехав на стажировку и создав в США семью, она с легкостью стала там своей. Стоило ей обосноваться в Штатах, жена стала ездить

туда-сюда, а в последние несколько лет жила там все время, как будто и не собиралась возвращаться обратно. Почти все родственники жены тоже переехали в Америку, наша семейная жизнь лет десять как трещала по швам, а в последнее время совсем разладилась, кажется, уже с концами. Дочка рассказала, что жена переехала в новую квартиру. Рассказала про новоселье, которое она отпраздновала с семьей дочери и своими сестрами. «Как себя чувствуешь? Мама просила передать, чтобы ты не забывал пить таблетки от давления». Ну, раз переехала поближе к дочери, стало быть, возвращаться и не думает.

Впервые за долгое время захотелось курить, и я стал шарить по комнате в поисках сигарет. Работая над чертежами, я иногда делал паузу, чтобы покурить, и где-то у меня хранилась для таких случаев красная пачка «Мальборо» — куда подевалась? Зажигалка нашлась рядом с настольной лампой, а в ящиках стола, где я стал искать сигареты, ничего не оказалось, и я открыл шкаф, чтобы проверить, нет ли их в карманах костюма. Сквозь ткань я почувствовал пачку и, засунув в карман руку, на ощупь достал ее, как вдруг что-то еще упало на пол. У моих ног лежали две визитки и листок бумаги. Первая визитка от

одного знакомого из мэрии, вторая от какого-то журналиста, а что за записка... Я положил ее на стол, взял из пачки сигарету и зажал ее между зубами. Уставившись на крупные буквы над номером телефона, я снова и снова повторял про себя: Чха, Суна. Это имя десяти лет хранилось где-то на задворках памяти. Вспомнилось, как на прошлой неделе ко мне подошла молодая девушка и передала эту записку. Сразу после лекции у меня было интервью с одним журналом, посвященным строительству, завязались новые знакомства, и закончилось все в пивной. Следующие дни были настолько загруженными, что я совсем забыл об этом происшествии. Помедлив, я снял трубку и набрал номер, написанный на бумажке. Раздались гудки. Я собирался что-нибудь сказать, но быстро бросил трубку. Взял мобильник и набрал смс: *«Это Пак Мину. Позвоните мне, когда сможете»*.

В офисе ко мне подошел архитектор Сон:

— Едешь на встречу с Ким Киёном?

— Что за встреча?

— Да доктора говорят, недолго ему осталось. Некоторые из наших поехали с ним проветриться немного.

— Понятно. И куда же?

— К морю, на остров Канхвадо.

Я решил не брать корпоративную машину с водителем, а поехать вместе с Соном на его автомобиле. Когда мы выехали на Олимпийский проспект, он сказал:

— Слышал, Лима-то, директора «Тэдон констракшн», похоже, прищучили?

Я сразу понял, какие слухи дошли до Сона, но виду не подал:

— В смысле «прищучили»?

— Не угодил кому-то из правительства.

Мы выполняли заказ «Тэдон констракшн» на строительство цифрового центра «Ханган». Высотное здание построили уже больше чем наполовину. Я подчеркнуто безучастно ответил:

— Да нам-то главное заказ выполнить.

Надо было аккуратно свернуть этот разговор.

Конечно, Сон читает газеты. Журналисты узнали о финансовых махинациях руководства «Тэдон констракшн». Теперь проект под названием «Мир Азии», который компания активно продвигала на территории всей страны, был на грани закрытия.

— В кои-то веки на природу собрались отдохнуть, завязывай-ка с этими темами, — сказал я.

Сон заметил:

— Да, поездка эта Кима, конечно, не вылежит, но взбодрить должна.

— Он держится молодцом, как всегда.

Был будний день, и мы, ни разу не попав в пробку, проехали от Олимпийского проспекта до города Кимпхо и дальше по мосту на Канхвадо. Недалеко от перекрестка оставили машину на стоянке и зашли в кофейню. Профессор Ли Ёнбин, приехавший раньше, поприветствовал нас, подняв руку. Мы с ним ровесники, познакомились, участвуя в одном конкурсе, и, хоть и учились в разных местах, по работе сталкиваться приходилось: иногда в конкурирующих проектах, иногда вместе работали над заказами. Он, как и Ким, учился в Европе. Когда дело доходило до реальной работы, Ли Ёнбин нам и в подметки не годился, но он был сеульцем из богатой семьи. Он рано сделался профессором и теперь что-то там рецензировал. На нем была бейсболка и удобная, не офисная одежда. Сделав вид, что удивился, он спросил:

— А вы, такие занятые, что тут забыли?

— Да вот, Кима давненько не видели.

К кофейне подъехала машина, из нее вышел молодой человек и бодрым шагом направился к нам. Это был редактор одного журнала, по-

священного строительству. Зайдя в кофейню и оглядевшись по сторонам, он позвал:

— Ну что, поехали. Едем до пляжа Тонмак, как договорились.

Ким помахал нам с пассажирского сиденья. Три машины, одна за другой, тронулись к пляжу. В несезон у моря было пустынно, только какая-то семья и несколько молодых людей прогуливались вдоль берега. Мы сели в ресторанчике с видом на море. Ким Киён еще сильнее осунулся за последние несколько месяцев, облысел от химиотерапии и на голову натянул старую шляпу. Кроме нас еще приехала пара человек из редакции журнала, куратор художественной галереи, жена Кима и несколько его учеников из архитектурного бюро — всего около десяти человек. Ким, его жена, Ли Ёнбин и я сидели за отдельным столиком. Заказали несколько рыбных блюд.

Стали вспоминать, как ходили гулять на гору Манисан, когда работали в «Хёнсан констракшн». Тогда мы только вернулись в Корею со стажировок, были молодыми и отчаянными. Конечно, для каждого успех значит что-то свое: Ким Киён как тогда, так и сейчас работает в маленькой мастерской, Ли Ёнбин вообще не создал ничего запоминающегося, а только языком трепал с кафедры, а я в свое

время управлял сотней подчиненных в крупной строительной компании. Потом поумнел и поостыл. А там как раз и кризис грянул, пришлось умерить аппетиты и преобразовать компанию в небольшое эффективное бюро из двадцати человек.

Ким в кои-то веки выбрался на природу и, кажется, был в приподнятом настроении. Каждый раз, когда он улыбался, на его высохшем лице выступали морщины. И хотя врач велел ему налегать на белок, чтобы справиться с последствиями химиотерапии, он съел от силы несколько мидий, которые положила ему на тарелку жена.

— Честно сказать, не думаю, что долго еще протяну, — начал говорить Ким. — Вы, ребята, катались на Лондонском глазе?

Профессор Ли сказал, что катался. Ким закивал.

— Там на оборот колеса уходит почти час. А помните, что говорил Будда? Колесо человеческой истории делает один оборот за сотню лет. Получается, не успеет колесо провернуться даже раз, а нам уже нужно слезать с аттракциона.

Через сто лет никого из сидящих здесь уже не будет в живых. Мир наполнят другие люди. Мы, строители, думаем, что нам повезло чуть

больше, ведь построенные нами здания будут по-прежнему стоять на земле. Но что, если наша жадность оставит неприглядный, но более заметный след?

После ужина молодежь бродила по берегу, бросая чайкам чипсы. Мы же, как стало вечереть, отправились на машине вверх по склону холма прогуляться и полюбоваться видом на гору Манисан. Уже смеркалось. Солнце неспешно уходило за горизонт.

Ли Ёнбин вспомнил вдруг про Юн Пёнгу.

— Это же твой друг детства вроде? Когда мы работали в «Хёнсан констракшн», ты его туда часто приводил.

Ким Киён тоже помнил Юна.

— Мы все в то время жили на полную катушку. Но его вообще вроде даже пару раз выбирали в парламент?

— Ой, да все это взятки: и то, что случилось с Юн Пёнгу, и вся эта история с «Тэдон констракшн».

Поглядев на меня, Ли Ёнбин заметил:

— Ты бы с ними лучше не связывался.

— Да мы что? Просто чертежи для них делали. А сам Юн так в себя и не пришел после операции.

Я рассказал немного о своей поездке в Ёнсан. О том, что там больше нет ни домов, ни

изгородей, а на том месте, где я родился, торчат лишь старые пни.

— У кого из нас остались родные места?

Услышав эти слова, Ким, который смотрел на море вдаль, повернулся к нам:

— Так это вы все и разрушили... Ох, закат тут — загляденье!

В Сеул мы все возвращались по отдельности, а меня проводил до офиса профессор Ли. У нас не было никакого уговора, просто решили поужинать и выпить в винном баре недалеко от моей работы. Ли предложил мне помочь Ким Киёну устроить его последнее мероприятие. Предложил провести выставку его работ: эскизов, строительных моделей, фотографий, чертежей. «Соберем денег, ты что-нибудь пожертвуешь», — говорил он. Я в ответ только кивал: «Ну что ж, можно, можно». Вернувшись очередной раз из туалета, уже изрядно опьяневший Ли вдруг сказал:

— Я что-то сегодня... может, из-за того, что поболтал с больным... акациевый лес вспомнил.

— Акациевый? — переспросил я рассеянно.

— Да помнишь, когда мы осваивали северные районы.

Стоило ему произнести эту фразу, я вспомнил лесистые невысокие холмы, на которых ютились бесчисленные домишки.

— Чего это ты вдруг? — не успел пробормотать я, как он выпалил:

— Мы же все повырубали тогда!

Я помолчал немного и равнодушно произнес:

— Да я ведь сам родом из такого лесного поселка, ты не знал?

— Да, ты говорил, — безучастно протянул Ли Ёнбин, — кремень ты, конечно.

Из бара мы ушли около полуночи. Придя домой, я, стягивая одежду, стал проверять мобильник: среди других сообщений было одно от Чха Суны.

«Это Чха Суна. Вы звонили? Спасибо, что не забыли. Мне неудобно говорить днем, но вечером могу в любое время.»

Поколебавшись немного, я набрал ее номер. Было уже поздно, но сообщение от нее пришло не больше часа назад. «Если она спит, то просто не подойдет к телефону или сбросит звонок», — размышлял я, нажимая кнопки. Послышались отдаленные гудки. «Алло», — ответила она.

— Это Пак Мину.

— Пак Мину? Помните меня? Помните лапшичную по соседству?

Спустя столько лет ее голос остался прежним. Перебивая друг друга, мы засыпали один

другого вопросами: где живете, чем занимаетесь, живы ли родители. Чха Суна рассказала, что живет в Пучхоне, работает, случайно узнала о моей лекции. Я спросил, почему она сама не пришла, ведь я был бы рад ее видеть. Она ответила, что постарела, растолстела и застеснялась приходить. Но теперь-то у нас есть номера телефонов, будем созваниваться, а вообще надо выделить часик да и встретиться, — на этом и распрощались.

На следующий день я проснулся от страшной жажды, голова трещала и была пустой, как лист бумаги. Потом, как появляется узор на белом листе, стали вспоминаться берег моря, закат на склоне холма, жизнерадостная улыбка смертельно больного товарища, женский голос в телефонной трубке. Казалось, все это лишь продолжение сумбурного сна, и я сильно потряс головой, чтобы скорее прийти в себя. Достал из холодильника бутылку воды и выпил два стакана залпом. Уселся за стол, глядя в одну точку, как вдруг кто-то позвонил в дверь. А, сегодня же уборщица приходит. Не хочется, но нужно уходить.

2

«Подобно локомотиву, который ржавеет среди руин, поросший сорной травой и полевыми цветами, он все еще не похоронен».

На этом репетиция закончилась. Завтра репетируем последний раз, а через два дня начинаются спектакли. Актеры разбрелись кто куда, а я поднялась в администрацию, которая располагалась рядом с входом в театр. Заведующий труппой разговаривал по телефону и, увидев меня, поманил рукой. Закончив разговор и проверив сообщения в мобильнике, он обратился ко мне:

— Завтра два интервью наклеиваются. Старик, поможешь? Ты же ставишь спектакль, как-никак.

Он не сомневался, что я соглашусь, но я только устало промолчала. Имя у меня не такое сложное, Чон Ухи, к чему эта фамильяр-

ная манера обращения, да еще как будто он с мужчиной говорит: «старик»? Раздражает. Сначала выжмет все соки, а потом делает вид, что мы вроде как приятели.

Хоть я ничего не ела с самого утра, а сейчас было уже девять вечера, я забыла про голод. Для этого спектакля я делала инсценировку романа с разрешения автора, и за это мне должны были заплатить. Я занималась постановкой и несколько месяцев корпела над сценарием. Но денег за него, равно как и за режиссуру, я так и не увидела, актерам тоже не дали гонорар. Впервые все было настолько плохо.

Завтруппой учился на курс старше меня на режиссерском, потом мы вместе организовали труппу, и он, с трудом выпросив деньги у родителей, которые уже давно разуверились в нем, открыл небольшой театр в подвальном помещении. На спектаклях посредственной труппы в маленьком зале зрителей бывало немного, а вот арендная плата каждый день росла. Когда мы выпустили первый спектакль, пару дней аудитория была, но потом людей приходило все меньше, и спустя несколько дней едва набиралось с десятков человек. Мы изменили концепцию с интеллектуальной на более зрелищную, и так зритель начал кое-

как идти. Само собой, мы получали помощь от комитета по культуре, но ее хватало лишь на уплату аренды, так что владелец здания — единственный, кто получал эти деньги. Мы постоянно рассылали письма в разные организации с просьбой профинансировать нашу деятельность.

Я без экивоков сказала:

— Ты мне должен аванс.

— Что?.. Аванс?

Завтруппой непонимающе вскинул голову и усмехнулся.

— Ну ты даешь, будто у меня тут офис какой-то. Вот спектакли отыграем, а потом можно будет и проценты посчитать, правда? Сколько ж ты хочешь?

— Пятьсот тысяч вон.

— Вообще я думал заплатить хоть часть долга за аренду, тогда мы бы как-то протянули этот месяц, — бормотал он, доставая кошелек. — У меня тут отложено немного... Сейчас каждая копейка на счету. Вот, только триста тысяч.

Я скорее, пока он не передумал, схватила шесть банкнот по пятьдесят тысяч, которые он неохотно протягивал мне. Направившись к выходу, я услышала, как он кричит мне в спину:

— Придешь завтра к часу... Надо дать интервью!

— Ага, а репетиция в семь. С завтрашнего дня придется тебе нам обеда оплачивать... Скажи репортеру, пусть приходит на репетицию собирать материал.

Это была моя третья постановка. Хотя я и собиралась все бросить еще в прошлый раз.

Меня зовут Чон Ухи, мне исполнилось двадцать девять лет. Я выпускница факультета искусств, начинающий драматург и постановщик. Я пыталась завязать с театром и устроиться в офис, чтобы хоть что-то зарабатывать на жизнь. Рассылала резюме в десятки мест, снова и снова проваливалась на интервью, и, с горем пополам устроившись в крошечное издательство, проработала там два года. Пока успешные агентства издавали бестселлеры, переезжали в большие офисы, выплачивали работникам бонусы, наш никудышный директор, видимо, не имея никакого капитала, не смог приобрести ни одного перевода популярной книги. Он клепал сборники старомодных классиков или сомнительных эссе, выбирая так, чтобы не было мороки с авторскими правами, и издавал под красивыми названиями.

Я там чем только ни занималась, от корректуры и редактирования до рекламы. Кроме меня в издательстве работали директор, его университетский друг и выпускница коллед-

жа, совсем еще зеленая девочка. Рабочих рук не хватало, и мы то и дело работали допоздна, чтобы не сорвать сроки. Никаких надбавок за сверхурочные нам не полагалось, и мы довольствовались совместными незатейливыми вечерними посиделками, которые должны были сохранить дружескую атмосферу в коллективе. Так я продержалась там два года, не зная, куда бы еще податься. Денег после оплаты квартиры и счетов едва хватало мне одной на еду. Правда, я, как маятник, болталась между домом и работой, так что тратить деньги было некогда. На работе я сидела, не отрывая глаз от монитора, редактируя чужие тексты и наполняясь чувством безнадежности от подобной бессмысленной траты времени. То и дело я выходила на лестничную клетку, садилась на корточки и, сжавшись в комок, выкуривала несколько сигарет, пока не полегчает.

Однажды мне нужно было встретиться с автором на улице Тэханно, я зашла в кафе и там неожиданно встретила старшекурсника с режиссерского. Он сказал, что как раз меня разыскивает, и попросил написать пьесу. Я ухватилась за повод сбежать из издательства и сама дала себя засосать в это театральное болото. После университета я какое-то время была в труппе и играла второстепенные роли

без текста. Решила, что в театре у меня нет никакого будущего, и думала, что ушла оттуда навсегда. Не желая отказывать товарищу, я взяла за основу свои прежние наработки и написала сценарий, едва успев к сроку. Неожиданно пьесу отобрали для участия в театральном фестивале, который проходил той осенью, и я получила приз как лучший молодой автор. После этого я уже не могла уйти из крошечного подвального театра.

У меня есть мама и старшая сестра. Мой отец, учитель, умер, когда я была еще студенткой. Сестра к тому времени уже получила диплом, а я все-таки умудрилась окончить университет с помощью дяди. Поступив на режиссерский, я постоянно воевала с отцом, который требовал, чтобы я перешла на другой факультет в университет поближе к дому, а не то он откажется за меня платить, — только поддержка мамы помогла мне довести дело до конца. После смерти отца дядя, взяв с меня обещание, что я не буду ставить спектакли, а поищу нормальную работу, оплатил мне два последних семестра. Так я поняла, что не могу решать свою судьбу, пока завишу от других. Сестра моя, убив несколько лет на подготовку к экзамену, необходимому для работы в государственной организации, с горем пополам

смогла получить должность учителя средней школы. Мама, которая всю жизнь хваталась за любую подработку, даже домработницей была, уехала с сестрой в небольшой городок, где наконец зажила тихой, спокойной жизнью. Я старалась с ними особо не общаться, чтобы не нарушать ее мирное течение.

У меня были две футболки по пять тысяч вон каждая и одна пара джинсов за десять тысяч вон — в них я ходила с весны до осени, тратилась только на еду и проезд. В большом городе всегда проблема с оплатой жилья. Какое-то время я ютилась по съемным комнатам, а когда устроилась в издательство, скопила немного денег на залог и сняла маленькую квартиру с ежемесячной оплатой в полуподвале. Снимая жилье на окраине столицы, я встречала множество таких же, как я. Людей, похожих на мелких зверушек, которые живут в чаще среди хищников и умеют только приспособливаться.

Я вышла из театра на улицу, по которой тянулись ряды кафе, пивных и закусовых, стойко прошла мимо. Было уже поздно, и в автобусе было много свободных мест. Я села и задремала, прислонив голову к окну. У меня так громко урчало в животе, что я каждый раз просыпалась и опять проваливалась в сон.

В час пик до нового микрорайона на окраине, где я жила, добираться было долго, но в такое время, как сейчас — минут тридцать. Однако я ехала не к себе.

Я случайно проснулась как раз перед своей остановкой. Как выходишь из автобуса — на углу перекрестка виднеется то место, где я подрабатываю. Я ждала, пока переключится светофор, и смотрела на огни небольшого круглосуточного магазина на другой стороне улицы. Как только загорелся зеленый, я бегом пересекла проезжую часть, торопливо толкнула стеклянную дверь и, тяжело дыша, заскочила внутрь. Я немного переиграла, и хозяин магазина, ничего не говоря, злобно на меня уставился. Наспех нацепив фартук, я лихорадочно пробормотала:

— Простите, пожалуйста. Я завтра отработаю лишний час утром.

— В свою смену надо работать. Опять, что ли, со спектакля пришла?

— Сегодня генеральная репетиция. После завтра начинаем спектакли.

— И денег-то толком не платят, чего ты там забыла, не пойму.

Он собирался уходить.

— Я новый товар еще не открывал, расставь все. И завтра ты работаешь до девяти.

Хозяин ушел. Утром он придет снова, а днем его жена забежит на пару часиков, чтобы он мог поесть и отдохнуть. Я сижу здесь ночью, пока они спят. С десяти вечера до восьми утра — десять часов. Еще есть студент, который тоже выходит по ночам, но его смены по выходным. Так что все будни — мои. Платят копейки, за деньгами побольше — не сюда. Я пробовала подрабатывать в разных местах, так вот: в таких магазинчиках самая низкая почасовая оплата, кроме того, человек, который не любит быть один, станет там отчаянно скучать. Когда получалось, я училась или читала, стараясь наполнить смыслом это время.

Даже на самой оживленной улице после полуночи людей становится меньше. Я много чего перепробовала: трудилась в кафе, ресторанах, пиццериях, закусочных, где подавали гамбургеры или рисовую закуску кимпап, на парковке в торговом центре. Я поняла, что мне такой режим, как здесь, подходит как нельзя лучше, ведь в ночных сменах есть большое преимущество. Частично пожертвовав сном, я могла посвящать день чему хочу. С одной стороны, все, что связано с театром, было еще бессмысленнее, чем дежурство в магазине, но с другой — разве сравнится утешение от исполненной мечты с какой-то там подработкой?

По вечерам в девять часов привозят молочные продукты, прохладительные напитки и снеки. Хозяин принимает товары, а я должна все разложить. Обычно я тогда же и ужинаю. После восьми вечера все вчерашние сэндвичи и кимпап нужно выбросить. Кроме того, нужно освободить полки для свежих продуктов. Все, от чего хозяин еще не успел избавиться, я забираю себе и складываю под кассой. Потом расставляю новые товары. Самое свежее молоко, напитки, печенье я прячу в задних рядах на нижних полках, а продукты, у которых срок годности подходит к концу, выставляю вперед. Со сроком годности у нас все очень строго. Отсканировав штрихкоды, я бросаю все пищевые отходы в специальные пакеты, а упаковки молочных продуктов, напитков и снеков ставлю в кладовую, чтобы потом сдать на переработку.

Что там сегодня осталось мне на ужин? Я начала с напитков: было несколько видов, которые шли по акции «два плюс один» в придачу к закускам. Некоторые покупатели не брали причитающиеся им напитки — они-то и остались. Банановое, клубничное и шоколадное молоко, ячменный чай и чай из кукурузных рылец. Я выбрал последний. Сегодня я особенно голодна, так что надо взять короб-

ку с закусками посытнее: сосиски, отбивные в панировке, рыбные котлеты и всякое такое. Кладу коробку греться в микроволновку. Мой первый нормальный прием пищи за сегодня — ужин в одиннадцатом часу вечера. Из рисовых треугольников в водорослях отбираю четыре штуки с острым соусом и рыбой и с тушеной кимчи и засовываю в холодильник. Съем на завтрак, когда вернусь домой. Так кусочничать, конечно, вредно для здоровья, но экономно, так что вариантов нет. Платят мало, так что хоть какое-то преимущество от работы в магазине.

Я жадно уничтожаю еду, и меня начинает клонить в сон. Говорят, по ночам такие же, как я, усталые молодые парни врываются с ножами в магазины и грабят их. А у нас не такой уж крупный магазин — нет ни банкомата, ни камер слежения. Вместо этого под прилавком хозяин приладил кнопку, на которую надо нажать, чтобы завыла и замигала сигнализация; он несколько раз проверял ее. Сказал: похоже на сирену на автомобиле. До двух ночи изредка заходят покупатели — за сигаретами, выпивкой, соком, лапшой быстрого приготовления или каким-нибудь снеком. Между двумя и тремя часами ночи по округе ездит машина, доставляющая товары. Всегда

примерно в одно и то же время, ближе к трем, останавливается у нашего магазина.

Я проверяю товары по списку на экране компьютера. Сиж у прилавка, то дремлю, то просыпаюсь, но вот машина приехала, и я расставляю на полках банки с газировкой, бутылки с алкоголем, сладости, коробки с готовыми обедами. Теперь время уборки. Я подметаю пол и протираю его влажной тряпкой, мою металлические столы и стулья, расставленные по обе стороны от входной двери магазина. Выношу мусор и выкидываю его в бак на обочине дороги. В четыре утра приезжает мусоровоз. Потом у меня есть еще часа полтора, чтобы подремать. При такой работе спать получается только урывками, поэтому долгожданный сон бывает сладок. Но иногда, вот, например, сегодня, хочется лечь и выпрямить спину, поэтому заснуть не получается. Так проходят мои дни.

Я смотрю на свою жизнь и понимаю, что она совершенно не примечательна, даже вспомнить особенно нечего. Черт возьми, неужели я вот так и состарюсь? Интересно, стань я известным драматургом или режиссером, было бы лучше? Смотрю на своих ровесников: все, как и у меня, — сплошная неопределенность. Замуж выйти? Иногда я думаю об этом, но куда мне — становиться чьей-то женой, я зверушку-

то завести не могу. Привязаться, беспокоиться, бояться, заботиться, уделять внимание, быть рядом, ненавидеть, злиться и одновременно обожать и лелеять, не смочь расстаться, привязаться снова — и так по кругу. Смотреть противно, как некоторые мои друзья вот так вот живут с собаками или кошками. Подруга как-то уехала в отпуск на десять дней и оставила мне свою белую мальтийскую болонку. Она, конечно, красивая, но прыгать вокруг нее, ухаживать, присматривать — увольте, терпеть не могу. Не хочу так жить и не буду. Так что мужчины для меня только обуза.

Был ли у меня яркий роман? Насчет этого не знаю, но с парочкой парней встречаться доводилось. Моя первая любовь — однокурсник с факультета изобразительных искусств. Мы оба витали в облаках, только он еще больше, чем я. Он снимал маленькую однокомнатную квартиру напротив университета, и, когда на четвертом курсе мне было негде жить, я поселилась у него. Как раз тогда, когда умер отец, а дядя заплатил за мою учебу. Парень мой начал поговаривать про свадьбу. Его родители были обеспеченными провинциалами, но не то чтобы какими-то богачами. Он без конца капал мне на мозг, что надо съездить к нему домой познакомиться с ними. Иногда

я спрашивала у него, будто бы от лица собственного отца: «И как же вы собираетесь жить, молодой человек?» — «В окружении прекрасных картин!» — «Ха-ха». Я смеялась, в буквальном смысле глядя на прекрасное, — подняв глаза к небу. «Ну а работа?» — «Я же художник, буду заниматься искусством». — «Ты что же, думаешь, в наше время искусством можно заработать? Бред собачий! Ну а дом? Жить-то где будете?» — «Пока поживем в однокомнатной квартире, а когда нас станет трое, если будет неудобно, переедем. Я слышал, в мансардах неплохо живется». — «Хочешь, чтобы моя дочь и внуки на чердаке жили?» После университета я поступила в театральную труппу, а он, так как был из более благополучной семьи, остался учиться в магистратуре. Недавно встретила его: работает куратором, что ли, в какой-то там художественной галерее. Такая же ерунда, как и мой театр. Наши отношения были не любовью, а скорее просто игрой.

Второго мужчину я встретила, когда работала в издательстве. Он был журналистом, на три-четыре года старше меня. То ли он сам был так трудолюбив, то ли ему помогали родители, но он приобрел довольно просторную квартиру. Стать журналистом его сподвигло вовсе не чувство справедливости и не желание разоблачать убийц и недобросовестных

политиков. Он был обычным клерком, который, окончив престижный университет, ходит в галстук на работу в презентабельный офис. Однажды он опоздал ко мне на встречу часа на полтора, я, конечно, раз в десять минут отправляла ему эсэмэски, пытаюсь выяснить, где он, а оказалось, что он дежурил у дома какой-то кинозвезды, которая собиралась разводиться. Рассказал мне про ее мужа, про ее любовника. Это и была его работа. При этом он любил рассуждать о Сэмюэле Беккете или Бертольте Брехте, делая вид, что смыслит что-то в театральном искусстве. Потом шел караулить какого-то певца, обвиненного в причастности к незаконному игорному бизнесу, у ресторана, где тот часто бывал. Так мой парень сделал несколько спецрепортажей. Мне он до смерти наскучил. Я изменила ему пару раз, он позвонил мне, чтобы облить помоями, и перестал со мной общаться. Я удалила его номер.

А потом я встретила Черную футболку. Его имя Ким Мину. Он был старше меня на три года, в похожей жизненной ситуации, но характер у него был совсем другой, нежели у меня. Чем труднее обстоятельства, тем с большим жаром он боролся. Он был как солдат, который всегда наготове с вычищенным и заряженным боевыми патронами оружием.

3

В шестидесятых, в эпоху перемен, отец потерял место секретаря. Вроде как он получил взятку за разрешение на незаконное строительство. В нашей семье, правда, ничего от той взятки не прибавилось. По старым временам, может, и речь-то шла о блоке сигарет. Отец не смог получить полноценного образования и навсегда остался самоучкой, так что, возможно, это был его предел. Он продал наш неказистый домишко и наделы земли, которые достались ему от свекра, и, забрав нас, уехал в Сеул. Перед отъездом он все колебался между Сеулом и Тэгу.

Мы приехали с вещами в район, расположенный на склоне холма, неподалеку от рынка Тондэмун. Отец арендовал за помесечную оплату двухкомнатную квартиру в доме из цементных блоков. Двора перед домом не было, и кухонная дверь выходила прямо в переулок.

Из комнатных окон тоже виднелись переулки, а задняя стена была общей с соседним зданием. Рядом с входной дверью висели две связки ключей для меня, братишки и родителей. В каждой был ключ от дома и ключ от уборной, которую мы использовали вместе с жителями дома рядом. Чтобы пойти в туалет, нужно было взять ключи и выйти на улицу. Деревянная дверь легко пропускала все звуки, и мне, хоть и был ребенком, всегда было стыдно встречаться с прохожими, когда я выходил из туалета. Каково же было взрослым, особенно маме?

Когда мы приехали в Сеул, там жил один наш земляк, чуть постарше отца, который работал в нотариальной конторе и за которого отец уцепился, как за соломинку. Раньше, в деревне, он, как и отец, работал мелким служащим в администрации. Отец стал выполнять его поручения в конторе. Денег, которые он таким образом зарабатывал, едва хватало ему на рюмку-другую и нам на то, чтобы хоть чуть-чуть разнообразить скудный рацион.

Мать в Сеуле наконец-то дала волю своей кипучей жизненной энергии. Как-то договорившись с охраной, застолбила себе место в торговом ряду на рынке Тондэмуни и начала торговать с рук. Покупала и перепродавали трикотаж, носки, белье. Когда я учился

в старших классах, нашу семью постигло новое испытание. Отец свалился с инсультом. Он поправился впоследствии, но до самой смерти его левая нога плохо двигалась. Наше положение, конечно, ухудшилось, но если бы не потеря работы, болезнь была для него даже благом — хоть отдышался немного.

Мы переехали в другой район на склоне холма, еще беднее, чем тот, рядом с рынком Тондэмун. Сюда переселяли людей из районов Чхонгечхон и Чуннанчхон, которые активно перестраивали. Водопровод находился на широком пустыре, во многих домах не было уборных, и со стороны дороги построили пару туалетов общественного пользования. В нашем доме было две комнаты и терраса, выходящая в длинный узкий дворик. За изгородью виднелась крыша соседнего дома, и издали была видна оживленная улица, так что наш дом был по местным меркам расположен неплохо. Кроме того, у нас был собственный туалет. Район находился на возвышенности, и водопровод нам в дом провели, только когда я уже оканчивал школу. Снаружи дом выглядел неказисто, с деревянными створками вместо стеклянных окон, но матери пришлось изрядно напрячься и влезть в долги, чтобы позволить себе такое жилье.

У мамы появился лоток на местном рынке, который располагался на въезде с шоссе. Она быстро поняла, что трикотаж тут никого не интересует. Лучше всего продавалась еда, особенно хорошо шли дела у рыбных лавок, хоть с рыбой было много возни. Она стала закупать рыбу по оптовым ценам на рынке Тондэмун и перепродавать у нас. Привезет несколько ящиков, разложит скумбрию, сайру, рыбу-саблю, минтай на узком прилавке, почистит и начинает торговлю. Вставала она очень рано, чтобы собраться и выйти на рассвете, когда вся семья еще крепко спала. Рынок разрастался, продавцы вскладчину заказывали грузовики для перевозки продуктов, товара стало больше, а проблем — меньше. С того времени отец начал помогать матери.

Никто не мог и подумать, что отец, который всю жизнь просидел, скрючившись за столом, да теперь еще и больной, сможет помочь жене. Но он стал собирать остатки рыбы, которую не купили, и делать из нее закуску омуку* на продажу. Разжившись растертыми соевыми бобами в лавке через дорогу, он смешивал их с измельченной рыбой и крахмалом,

* Омук — рыбный фарш с мукой, жаренный в масле.

и его омук получался аппетитнее и сытнее, чем тот, что делали с добавлением муки. Вскоре в нашем районе не осталось никого, кто не пробовал бы папин омук. Отец самостоятельно изучал все о приготовлении омука и изобретал новые рецепты. Часто он рано освобождался, потому что ингредиенты для готовки слишком быстро заканчивались. Так сложилось само собой, что торговля рыбой переросла в торговлю готовыми закусками. Родители проработали на рынке больше десяти лет. Они выкупили наш съемный дом, приобрели магазин и даже смогли отправить нас с братом учиться в университет. Хотя им и не удалось заработать на что-то большее, чем дом в бедном рабочем районе.

Я не доставлял хлопот родителям. В Сеуле я стал много учиться. Во-первых, мне особо больше нечем было заняться, во-вторых, я был твердо убежден, что должен любой ценой уехать отсюда. К счастью, поступив в хороший вуз, я благодаря одному приятелю начал подрабатывать домашним учителем и вскоре уехал из семьи. После армии я тоже поселился отдельно от родителей, потом уехал учиться за границу. В общем, получилось так, что почти сразу после школы я стал жить самостоятельно.

Когда же я познакомился с Чемёном?.. Тогда еще не прошло и нескольких месяцев после нашего переезда в Сеул, старшеклассники были на летних каникулах. У съезда с шоссе на перекрестке стоял рынок, от которого поднималась вверх главная улица нашего района. От нее в разные стороны ответвлялись многочисленные улочки. Иногда это были не просто переулки, а довольно широкие бетонные дороги с двусторонним движением, на которых располагались водопроводные колонки, туалеты и небольшие лавочки. Наш дом стоял как раз у одного из таких перекрестков, с правой стороны. Перекресток этот одним концом упирался в узкую дорогу, на которой и стоял дом Чемёна. Хоть он был последним на улице, за ним был не тупик, а узкая, бегущая по крутому склону вверх дорожка, которая вела к сложенной из булыжников лестнице, что уходила дальше в гору. До знакомства с Чемёном я никогда не заходил в тот переулок. Обычно, возвращаясь с рынка, где я помогал родителям, я шел по центральной улице мимо колонок с водой и общественных туалетов и, пройдя табачный киоск на углу, поворачивал к дому.

В одном из переулков всегда сидела компания из четырех-пяти чумазых мальчишек.

Некоторые из них курили. Каждый раз, когда я проходил мимо них, они напряженно косились в мою сторону.

— Че пялишься? — крикнул мне как-то один из курильщиков.

В другой день кто-то из них отнял у меня школьную фуражку.

— Э, отдай!

— Деньги гони!

— Отдай, я сказал!

— Гляньте на этого придурка.

Вдруг из темноты в глубине переулка раздался высокий голос: «Э, э, отдай!» К нам вышел мальчуган, которого такие парнишки назвали бы не иначе как «соплей». Коренастый крепыш, он был настолько маленького роста, что я смотрел на него сверху вниз. Выхватив из рук приятеля фуражку, он протянул ее мне со словами: «Надо как-нибудь помериться силами». Я молча надел фуражку и отвернулся. Это был Малой, младший брат Чемёна. Вообще-то по-настоящему его звали Чегын, но из-за того, что он был младше, да еще и маленького роста, его прозвали Малым. Там было больше десяти парней, которые лебезили перед Чемёном.

Летними вечерами все жители района высыпали на улицу: взрослые мужчины, со-

бравшись компаниями по несколько человек, играли в шашки на выпивку, женщины, усевшись на корточки, перемывали всем кости и хохотали, сверкая голыми коленками, дети шумели, играя в догонялки и прятки. Подростки вроде меня сбивались в стайки и прогуливались вниз-вверх по главной улице. Наш дом был недалеко от самой вершины горы, и, если пройти главную улицу до конца, свернуть направо и подняться по тропинке, то можно было попасть наверх: там росла густая трава и редкие деревья. Оттуда было видно район, что спускался с противоположного склона. Огни, мерцающие в окнах домов, освещали небо. Неподалеку возвышалась гора Пукхансан, а за ней оживленные городские улицы горели красным лучами, достигающими до самых звезд. На вершине горы было несколько валунов с небольшими пещерами внутри.

Однажды там собрались дети и даже несколько взрослых и затеяли игру в петушинный бой, подбадривая друг друга шумом и криками. Я решил поглядеть на состязания, забравшись на валун. Два парня откуда-то притащили боксерские перчатки и устроили спарринг.

— Так! Уклон, атака, нырок! Чувак, бей прямой! Джеб, джеб! Апперкот! Так!

Не выдержав удара, один из соперников упал на спину, и юноша, который одновременно был и болельщиком, и рефери, скомандовал прекращать бой.

— Эй ты, иди-ка сюда, — крикнул мне победитель.

Это был тот самый парень, который несколько дней назад в переулке предлагал мне как-нибудь помериться силами. Рефери вторил ему:

— А, это ты недавно переехал? Дуй сюда!

Я вовсе не горел желанием к ним подходить, но убегать, поджав хвост, тоже не дело, так что пришлось карабкаться вниз. Отчего-то мне польстило, что тот парень знал, кто я. Я вообще-то не был драчуном, и, когда мы только переехали в Сеул, ко мне постоянно приставали всякие придурки по дороге в школу. В одной только начальной школе тогда было больше чем по двадцать классов в параллели. В средней школе было уже поменьше народу, классов десять параллельных, но в одном классе могло быть человек семьдесят — восемьдесят. Для них я был деревенщиной, и поэтому мне пришлось кое-чему научиться. Если тебя задели или разозлили, нельзя давать спуску. Каждый день, даже если это было уже сверх моих сил, мне приходи-

лось драться до тех пор, пока обидчик сам не сдавался. Никто здесь не сочувствовал проигравшим. Если сегодня сдать, то завтра по дороге из школы, послезавтра у дома, где живет кто-нибудь из мальчишек, снова придется драться до тех пор, пока противник не закричит «хватит». Нельзя было останавливаться, пока другой не попросит пощады или не извинится. Когда я возвращался домой с расквашенным носом или разбитыми губами, мама и папа даже не обращали на это внимания. Я должен был присматривать за братишкой, но не было никого, кто мог бы помочь мне. Поэтому я не отступил, а принял бой с Малым. Мне было отлично известно, что, если я откажусь сейчас, меня ждет много тяжелых дней впереди.

Уже почувствовавший один раз вкус победы Малой, постукивая кулаком об кулак, готовился к схватке. Я молча взял перчатки и надел их. Впервые в жизни примерив боксерские перчатки, я стоял в нерешительности, пока парни не толкнули нас в спины и не крикнули: «Начали!» У меня тут же потемнело в глазах. Впоследствии я немного занимался боксом и узнал, что это был джеб. Подняв кулаки и пригнув голову, я попробовал двигаться, как парни, за которыми мне приходилось

наблюдать раньше. Когда я пытался нанести удар, мой противник уворачивался и в ответ прилетал очередной джеб. Я получил в лицо еще несколько раз. «Если разозлюсь — проиграю», — пробормотал я про себя и изо всех сил сжал губы. В какой-то момент от точного джеба у меня пошла из носа кровь. Я наклонился, чтобы избежать следующего, и двинул кулаком вверх. Почувствовал через перчатку сильный удар. Малой рухнул навзничь. Но быстро встал, попрыгал на месте и снова ринулся на меня.

— Хватит, хватит, — разнял нас наш рефери.

Между тем у меня продолжала хлестать из носа кровь, вся рубашка спереди была измазана красным.

— Кровищи-то, — пробормотал парень-рефери и вытер мне лицо полотенцем, которое болталось у него на плечах. От полотенца шел невыносимый кислый запах пота.

— Нормально же дрались, ты чего это? — засопел Малой.

— Хорош, ничья. Ты был в нокдауне, а он ранен.

Видимо, посчитав мое кровотечение достаточным для сохранения своей репутации, Малой перестал бурчать и снял перчатки.

— Дома скажешь: тренировался и ударился. Раньше боксом занимался? — спросил меня рефери.

— Нет, первый раз.

— Да ладно, апперкот не знал? Да у тебя талант. Как звать-то?

— Пак Мину.

— Я Чемён. Можешь меня называть «братан». Его зовут Мину. Слышал? Пожми руку Мину.

Мы с Малым неловко пожали друг другу руки.

Поведение Чемёна произвело на меня сильное впечатление. Он ни разу не задел ни мою гордость, ни самолюбие Малого и так просто принял меня в их компанию.

До моего выпуска из школы мы крепко дружили с братьями. Чемёну, второму сыну в семье, тогда было около двадцати лет. Старшему, Чесопу, было где-то двадцать два года. Он приезжал домой раз в несколько месяцев, оставался на пару-тройку недель и опять куда-то исчезал. Малой, третий по старшинству среди братьев, был взрослее меня на год. А еще у них была единственная младшая сестра, Мёсун. Она была на два-три года моложе меня.

У них не было отца, и главой семьи стал Чемён. Мама с Мёсун управлялись с домашним

хозяйством, а Чемён устроил несколько мест для чистки обуви: перед театром, на задворках мясной лавки и около чайной. Все три брата начинали учиться в школе, но потом бросали учебу. «Три класса, четыре класса, пять классов», — с гордостью перечислял Малой. Когда я спросил, кто же из них отучился пять лет, оказалось, Чемён — он был посообразительней братьев и ходил в школу дольше всех. И дело было не в том, что у них умер отец, как только они переехали из провинции Чолладо. Они побросали школу еще при его жизни: он, простой крестьянин, не смог обеспечить своим сыновьям полного среднего образования.

На летних каникулах я по два-три раза в неделю проводил вечера на вершине горы. Хотел научиться боксу у Чемёна. Он показал мне, как меняется сила удара при разных стойках, научил, как наклонять голову и работать кулаками и локтями, чтобы защитить лицо, бока и живот, как отвлечь противника, при этом нанося прямые удары, или ударяя снизу, или атакуя на расстоянии. Конечно, у нас не было всяких там груш, как в спортивном зале, но мы прыгали через скакалки и бегали на месте, чтобы тренировать легкие, укреплять мышцы и становиться выносливее.

Бросив школу, Чемён начал работать на побегушках у чистильщика обуви на улице Чонно. Сначала подавал ему обувь клиентов, потом чистил обувь сам и наконец стал управлять такими вот точками. Он начал заниматься спортом, чтобы, как он говорил, «следить за собой». Он пробовал разные виды борьбы, не ограничиваясь лишь одним направлением: полгода занимался хапкидо, месяца три-четыре ходил на дзюдо, потом год учился боксу. Поэтому в драке он тут же понимал, какую технику использует его противник. Он всегда говорил, что, сколько бы титулов ни было у спортсмена, это не заменит годы и десятилетия опыта. Директор спортивного клуба, зная об умениях Чемёна в боевых искусствах, начал было тренировать его, чтобы сделать из пацана настоящего спортсмена.

— Почему же ты перестал ходить к нему? — спросил я как-то.

Чемён усмехнулся:

— Так Угрюмый попал за решетку. Кому-то надо было кормить семью.

Угрюмый — прозвище Чесоп, старшего сына в их семье. Так я узнал, что Чесоп был в банде. Он воровал. Раз в несколько месяцев он появлялся дома, складывал в тесной спальне братьев награбленное добро: телевизоры,

проигрыватели, носился с ними какое-то время, пока не находил, кому продать, и снова исчезал. В последнее время он говорил, что набрался опыта и устроился на фирму, где поспокойнее и выручка получше. Чемён объяснил мне, что Угрюмый не мог устроиться ни на какую фирму, потому что ничего не умел, а «фирмой» называл банду карманников.

— Когда наступаешь и бьешь прямые, бей с силой от плеча, ясно? Тренер говорил какой-то там «сив». «Огрысив, огрысив» — такое что-то. Ну, ты же английский учишь, знаешь, что это?

Я не сразу понял его, но потом догадался, что самое близкое английское слово к тому, что произносил Чемён, это «aggressive», то есть агрессивный, энергичный.

Я очень удивился, когда Малой впервые привел меня в их дом. Нет, это был такой же, как все в этом районе, дом со стенами в замазанных цементом дырах, однако, по сравнению, например, с нашим, их дом был раза в два больше. Пусть у них не было двора, и дом стоял прямо на улице, да и туалета там не было, но выглядел он солидно, ведь раньше тут были два дома, которые потом соединили в один, разломав между ними стену. Тут были одна большая и две маленькие спальни, да

к тому же еще и просторная гостиная. В большой комнате напротив гостиной жили человек десять мальчишек — чистильщиков обуви. Спальню рядом с кухней занимали мама с Мёсун, а трое братьев спали в самой маленькой комнатушке. Из-под нависших стрех в окна гостиной видно было только фундамент соседнего дома, поэтому там всегда было темно. В гостиной стояла огромная бочка, куда мальчишки по очереди приносили воду из общественных колонок, — тут ребята мылись.

Когда наступило время обеда, в гостиной накрыли длинный стол, сделанный из связанных друг с другом досок, — первым за стол сел Чемён, вокруг него расселись мальчишки. Я занял место напротив Чемёна, а Малой — рядом с ним. Мама принесла здоровую кастрюлю суджеби* и стала разливать его по тарелкам, а Мёсун — расставлять тарелки на столе. Наконец мама с Мёсун уселись в конце стола и принялись за еду. Для суджеби замешали лопаткой жидкое тесто из пшеничной муки и ложкой порционнно налили его в воду, где оно разбухло, сделав блюдо похожим на клейкую мучную похлебку. Мука, видать, тоже была не самой лучшей, потому что суп получился мутно-желтым.

* Суджеби — корейский суп с клецками.

Никакого ароматного бульона на анчоусах тут не было и в помине. В воду просто добавили соевого соуса и порезали немного тыквы — то, что получилось, с трудом можно было назвать «суджеби». Но перед Чемёном поставили миску белого риса. Все — и мама, и Мёсун, и Малой — ели суджеби, но Чемён, единственный, получил рис. Из закусок были только пересоленные листья свежей капусты, щедро заправленные молотым острым перцем. Чемён взял было ложку, но, поколебавшись немного, обратился ко мне:

— Ты сегодня наш гость, махнемся?

Стоило ему это сказать, как я почувствовал на себе десяток ледяных взглядов. У меня волосы на голове зашевелились от напряжения.

— Да нет, я лучше суджеби.

Чемён сразу принялся жадно есть, а мальчишки теперь вперились глазами мне в тарелку. Рис достался тому, кто обеспечивал существование всей семьи, это было его священное право. До сих пор не могу забыть ту сцену.

Когда у нас в лавке жарили закуски омул, бывало, что некоторые не получались — разваливались или выходили неровными, тогда отец брал такие щипцами и складывал в угол стола. Он замешивал тесто, а две сестры, кото-

рые у нас работали, наливали нужное количество теста в квадратные формы и легким, доведенным до автоматизма движением бросали изделия в чан с кипящим маслом, который стоял около рабочего стола. Отец вылавливал всплывающий на поверхность потемневший омук, налево откладывал тот, что шел на продажу, в дальний правый угол отбрасывал развалившиеся куски, а мать, в свою очередь, аккуратно складывала и пересчитывала товар, раскладывала омук по коробкам в соответствии с заказами и принимала покупателей. Целыми днями в лавке с шумом работал огромный вентилятор, который был нужен, чтобы охлаждать омук.

После школы мы с братом утоляли голод развалившимся горячим омуком, который отец отложил в сторонку. Наевшись, мы, тыкая пальцами один в другого, хихикали над нашими лоснящимися от масла физиономиями. Нашей обязанностью было расфасовать отложенный матерью омук по несколько штук и угощать им тех, кого нужно было отблагодарить или с кем нужно было подружиться. Мы непременно заходили к старичку, который собирал оплату за воду с нашей семьи и с тех, кто работал на рынке, к сборщикам мусора, к охранникам. Иногда мы приносили

омук и семье Чемёна, в такие дни у мальчишек — чистильщиков обуви был настоящий пир. Вскоре мы с братом стали уважаемыми людьми. Взрослые первыми заговаривали с нами, спрашивали, как дела в школе и куда мы направляемся. Когда один из нас появлялся у чьих-нибудь дверей перед ужином, хозяйка дома, широко улыбаясь, говорила, что благодаря нам у нее теперь голова меньше болит о том, чем накормить семью.

В выходные дни отец частенько по просьбе других торговцев писал письма в государственные учреждения, потом про это прознали жители всей округи и приходили к нему, чтобы он заполнял за них документы. Как выяснилось позже, нашу лавку называли не «закусочной», а «школьной». И, кроме прочего, так было потому, что я был одним из двоих на всю округу школьников. Кроме меня в школу ходила только Чха Суна, дочь хозяина местной лапшичной.

В те бедные времена на государственном уровне поощрялся отказ от риса, доходило до того, что в школе проверяли, что принесли с собой на завтрак учащиеся, и если кто-то приносил белый рис, получал нагоняй. Пшеничную муку, которую присылала Америка корейцам, поначалу раздавали как

гуманитарную помощь, но вскоре она появилась и в продаже на рынке. В каждом доме на обед подавали суджеби или куксу — тонко нарезанную лапшу, которую даже жевать особо не надо было, такой она была скользкой, что сама проглатывалась. В прежние времена куксу подавали только по праздникам, а теперь лапшу в остром бульоне с удовольствием ели всей семьей каждый день. Если еще сварить ее на бульоне с анчоусами да добавить тот же омук — не было лучше лакомства для детей. Хотя у нас с братом омук уже из ушей лез, приготовленный из рыбного фарша, он был хорошим заменителем мяса. Омук да куксу были излюбленными блюдами всей округи. Если идти по центральной улице до третьего перекрестка, можно было, свернув в переулок, пройти к нашему дому. В конце нашего переулочка начинался следующий, который вел к дому Чемёна и водопроводным колонкам. За ними был еще один перекресток, в левом углу которого и стояла лапшичная, принадлежавшая семье Суны.

Это случилось, когда мы только начали торговать омуком, кажется, была осень предпоследнего перед выпуском учебного года. Мама завернула кусочки омука в газету и велела мне отнести закуску в лапшичную. У меня ни

с того ни с сего заколотилось сердце. Я был знаком с Суной, мы иногда сталкивались на дороге по пути в школу. Вообще, если кто из местных подростков сказал бы, что не знает Суну, значит, только что переехал, ну или просто дурак. Во-первых, она же была дочерью лапшичника, чья лавка располагалась как раз напротив колонки, где все окрестные жители брали воду. Девочка с двумя косами в школьной форме с отглаженным белым воротничком, идущая каждое утро от рынка к автобусной остановке, была почему-то похожа на журавля, которого каким-то ветром занесло в толпу людей. Ну, и самое главное: она была настоящей красавицей, ее внешность даже на расстоянии приковывала к себе взгляды. Вздернутый носик, огромные глаза, всегда сдержанное выражение на белокожем личике. Красивы улыбающиеся девушки, но те, что холодны и чопорны, кажутся неприступными и волнуют сердца парней куда больше. Так думал Малой, так считал Чемён, так чувствовал я. Мы не откровенничали друг с другом, но Суна нравилась нам всем.

Взяв омок, я взволнованно спешил в сторону водопроводной колонки, но постепенно замедлил шаг. Мне отчего-то стало стыдно, что омок завернут в газету. Казалось, все люди

у колонки поняли, что это за масляные пятна пропитывают газетные листы. «Кроме ошметков больше принести нечего?» — бормотал я, чувствуя себя полным неудачником. Кое-как я доплелся до стеклянной двери, над которой висела квадратная табличка с надписью «Куксу». Бумажное объявление, скромно болтающееся на двери, гласило: «Продаем куксу». «Наверняка она писала», — подумал я.

За дверью скрывались две комнаты. В прихожей работал аппарат для приготовления лапши: крутились соединенные лентой колеса. Со стороны главной дороги у забора была установлена сушилка, на которой, как белье на веревке, всегда болталась лапша. Проходя мимо колонки, я видел, как работники развешивали нити куксу. На прилавке сразу справа от входной двери лежали бумажные свертки с приготовленной на продажу лапшой. Я уже несколько раз приходил покупать такие.

Зайдя внутрь, я никого не увидел.

— Есть кто?

Стоило мне позвать, она высунулась из дальней комнаты. Увидев меня, слегка кивнула в знак приветствия, как будто бы и не узнала. Подошла ко мне, встала рядом, взяла один из свертков с лапшой. Я почувствовал какой-то приятный аромат. Пробормотал:

— Да нет, я не за куксу... Я тут... принес...
Она сразу поняла, что завернуто в газету.

— Вкуснотища! — улыбнулась она, показав ровные зубки.

От ее улыбки, как от сокрушительного удара, у меня перехватило дыхание и защемило в груди.

— Спасибо!

Ничего не сказав в ответ на ее благодарность, я сразу отвернулся к двери, но она оставила меня.

— Подожди! Держи.

Она протянула мне сверток лапши. Я растерянно взял его и, выйдя из дома, сразу же пожалел об этом. Ведь это же не ее отец или мать дали мне, нужно было отказаться. Но разве я мог сказать ей «нет»? Прижав сверток к груди, чтобы никто его не заметил, я бежал до самого дома так быстро, что пылало лицо.

Для меня старшеклассницы были просто девочками, с которыми я встречался по дороге в школу и ехал вместе в школьном автобусе, но для других мальчишек, которые не учились, они были недосыгаемы, как, скажем, слишком высокие деревья, на которые не взобраться. Я как-то забежал в дом Чемёна одетый в школьную форму, и Мёсун, которая как раз вышла из кухни, воскликнула:

— Батюшки! Ну ты и красавчик! Первый раз тебя вижу в форме. Прямо школьник из фильма про Японскую империю.

Я до сих пор отчетливо помню, как почувствовал в тот момент, что не буду жить с бедняками в трущобах. Разумеется, я молчал об этом, считая, что, как бы то ни было, должен обходиться со всеми хорошо. Однако мое отношение к Малому, его братьям и мальчишкам — чистильщикам обуви с самого начала было именно таким.

Многие зарились на точки, где ребята под началом Чемёна чистили обувь. Но умный и оборотистый Чемён отлично управлял своим делом. Его дяди по отцу работали в кинотеатре — старший рисовал афиши, а младший крутил фильмы на проекторе, через них Чемён договорился с директором об аренде места у кинотеатра. Платил авансом. В каждом районе, само собой, были хулиганы, которые пытались вымогать деньги, но после ряда потасовок в самом начале они, естественно, признали права Чемёна. Самыми серьезными считались ребята, которые держали район перекрестка, но Чемён был с ними на короткой ноге, и они уважали его.

Вторую точку Чемён устроил в мясном ресторане в переулке за кинотеатром. Чемён на-

значал дежурных, которые по очереди убирали внутри и снаружи ресторана, а еще следили, чтобы торговцев разной мелочью и всяких попрошаек там и духу не было, — так рабочее место в ресторанном зале ребятам было обеспечено.

Чайная располагалась на первом этаже трехэтажного здания у въезда на рынок. Людей там проходило много, и от клиентов не было отбоя. Только вот обосновываться прямо на обочине проезжей части было сомнительным решением. Поэтому сделали точку в шатре наподобие тех, с которых продают уличную еду, и поставили в переулке чуть поодаль. Чемён обычно патрулировал территорию от кинотеатра до мясного ресторана, а Малой с тремя помощниками следил за точкой у чайной. Благодаря Чемёну, когда выходил какой-нибудь стоящий фильм, я мог посмотреть его в кинотеатре бесплатно. Стоило ему кивнуть билетеру на входе — мне зеленый свет.

Однажды у чайной случился скандал. Малой вместе с другими парнями чистили обувь, когда один из мальчиков, которые собирали ботинки у клиентов в чайной, вернулся оттуда с разбитой губой. Он рассказал, что какие-то незнакомые ребята поставили стулья у входа и чистят там обувь. Ему надавали

тумаков, прежде чем он смог войти в чайную. Помощники Малого зашумели и собрались идти разбираться, но Малой остановил их и пошел один. Как и рассказывал товарищ, у чайной сидели на корточках за работой три чужака, они поставили там два стула для клиентов, в стороне ждали чистки несколько пар обуви гостей, сидевших внутри. Малой подошел к незнакомцам. Он не стал рассусоливать, выясняя, откуда они, да кто их сюда прислал, да чье это место, без лишних слов он спросил только:

— Кто побил нашего?

Один из парней, невысокий, еще покрепче Малого, недовольно сморщившись — так, что между бровей легла глубокая морщина, — встал.

— Уходите в другое место. Это теперь наше. Это было так нелепо, что Малой только и смог переспросить:

— С чего это?

Коротышка уверенно отрезал:

— С того, что нам разрешил хозяин чайной. Усмехнувшись, Малой пошел восвояси. Он знал, какой разговор бывает у Чемёна с конкурентами, поэтому не стал отвечать сразу.

Не прошло и дня, как Чемён и Малой узнали о наглеце все. Его называли Пень,

он был на год младше Малого, то есть мой ровесник. Пару месяцев назад он переехал в район у подножия горы и жил теперь через шоссе, водил дружбу с некоторыми ребятами, которые держали район перекрестка. Говорили, у Пня был черный пояс по тхэквондо. Кстати говоря, на втором этаже чайной уже несколько месяцев как открылся зал тхэквондо. У тренера, парня года на три-четыре старше Чемёна, был третий дан. Он доверил Пню вести младшую группу. А теперь Пень, похоже, решил взять себе еще подработку, отжав место для чистки обуви. Чемён принял решение сразу:

— Все, из чайной уходим.

— Чего? А я где теперь буду? — вспыхнул Малой.

Я тоже вмешался:

— Да, нехорошо. Пойдут слухи, что ты прогнулся.

— Спешка тут ни к чему. Малой, а ты с завтрашнего дня будешь собирать обувь у лавочек в районе перекрестка.

Подавив недовольство, все замолчали. Никакой реакции не последовало, и дошло до того, что Пень, совсем осмелев, несколько раз приходил вымогать деньги у ребят Малого. В конце концов Малой не выдержал:

— Братан, ты что, сдрейфил? Нам будут в душу плевать, а мы не пикнем — да нам тут не жить после этого.

Не было еще в округе никого, кто недооценивал бы Чемёна. Благодаря его влиянию ему и доставались лакомые места у трассы. Но теперь появился Пень и начал сколачивать свою группировку, к которой сразу же присоединилась всякая мелюзга, человек семь-восемь. Я много повидал таких ребят, пока жил у рынка Тондэмун и тут, в районе горы. Почти все они росли на улице. Бросив школу, собирались стайками по несколько человек и начинали чем-нибудь приторговывать или воровать, кто поумнее — шли на завод. Так или иначе большинство из них к армии уже не жили в своих семьях.

Очень кстати дома впервые за несколько месяцев появился Чесоп. Малой выложил все о недавних событиях. Дождавшись Чемёна с работы, Чесоп потребовал отчета о том, как идут дела. Чемён рассказал и добавил:

— Ты ж мне говорил ни с кем не бодаться. Этот тренер по тхэквондо — крепкий орешек, я решил подождать.

— Э-э-э, да ты мой братан Чемён или кто? Ты учился хапкидо, дзюдо, боксу! Да ты везде хозяин. Завтра разберемся с ними.

На следующий день, взяв с собой нескольких ребят из тех, кто постарше, братья пошли к рынку. Остановились у чайной, но Пня нигде не было видно. От парней, которые чистили ботинки на улице, узнали, что он наверху, тренирует младшую группу. Братья с шумом поднялись на второй этаж. Не обращая внимания на Пня, который стоял, выкрикивая команды, парни вывели из зала всех учеников. Тренер, поручив Пню группу, ушел куда-то по своим делам.

— Вот ты где, сукин сын! — угрожающе закричал Чемён.

Пень тут же принял атакующую позу:

— Давай по-пацански разберемся.

— Глянь на этого ублюдка, вот выделываетсяся.

Чемён уклонился от удара ногой, боком продвинулся вперед и ударил Пня снизу вверх в челюсть. Тот тяжело осел на пол.

— Хорош черный пояс! Вставай, падла!

Чемён схватил Пня за грудки, поднял вверх и пробил хук в живот — Пень упал, скрючившись, как креветка. Тем временем Чесоп, взяв за раму висевшее на стене зеркало, грохнул его об пол. Чемён обратился к Пню:

— Это ты подсылал своих ублюдков за деньгами? Я до сих пор молчал, но больше

это тебе с рук не сойдет. Знаю, где ты живешь, знаю стройплощадку, где твой отец работает. Ты по-свински поступил, больше чтоб ноги твоей не было у чайной. Появишься там — получишь. Давай, будь паинькой.

Оставив Пня лежать в осколках, братья вышли на улицу. «Придет тренер — найдет Пня», — рассудили они.

Если подниматься вверх по главной дороге, идущей по нашему району, миновать перекресток у переулка, ведущего к нашему дому, будет тупик, от которого расходятся ответвления вправо и влево. В какую сторону ни пойдешь, все одно: поднимешься на гору. От тупика вверх вела сложенная из камней лестница, по ней тоже можно было подняться на вершину, только уже напрямик. У вершины был пустырь, который раньше кто-то использовал как огород. Оттуда было хорошо видно центральную часть района до самого рынка, переулки и внутренние дворы некоторых домов. Все в основном собирались на площадке на вершине, а пустырь был только нашим местом. Похоже, Пень об этом знал. На закате дозорный мальчишка доложил, что «они» поднимаются к нам. Чесоп и Чемён сидели за шашками, остальные слонялись вокруг. Из-за спины Пня, поднявшегося по

тропинке первым, показался мускулистый тренер.

— Кто это сделал? Кто разбил зеркало в зале?

— А, тренер? Давай-ка посидим потолкуем, — сказал Чесоп, приглашая к себе жестом тренера.

Чемён беззвучно встал со своего места и отошел в сторону. Тренер без колебаний подошел к нам. Сидя за шашками, Чесоп предложил:

— Может, сыграем разок? Послушай-ка, что скажу.

Раскрасневшийся от бега тренер сжал кулаки.

— Чего ты несешь, сукин сын?

Стоило тренеру подойти ближе, Чесоп замахал руками и заюлил:

— Подожди, подожди. Слушай, что говорю, смотри. Вот тут будет у нас точка, а вот тут — чайная.

Приговаривая так, Чесоп начал со стуком расставлять на доске шашки. Тренер, глядя на доску, автоматически наклонился вперед — в этот самый момент Чесоп стремительно подскочил, схватил тренера за голову и ударил в лицо коленом. Раздался хруст — Чесоп что-

то повредил ему, и тренер уже не мог выпрямиться. Чесоп, держа его голову, продолжал бить коленом ему в лицо. Все произошло так внезапно, что Пень и еще два паренька, которых он с собой привел, только стояли и ошарашенно смотрели на Чесопа. Тот, подхватив окровавленного тренера под мышки, поволок его к склону горы. Бросив тело на краю, Чесоп произнес:

— Что сейчас скажу, считайте за предупреждение или типа того, короче, советую послушать. Приехали в чужой район — проявите уважение. Обижать парней, это что вам, шутки? Мы пока по-хорошему, потом подождем ваш зал, так что вы это, тренируйтесь там и не высовывайтесь.

С этими словами Чесоп, словно вытирая ноги о тряпку, столкнул распластавшегося тренера со склона. Он скатился к дороге и, упав лицом вниз, даже не шелохнулся.

Слух о случившемся мгновенно разлетелся по всему нашему и соседним районам. Что тренер весь избит, что сломаны носовые кости, что в больнице придется лежать восемь недель и прочие подробности. Из районного отделения полиции приезжал следователь. Тренер, потерпев поражение в бою, да еще

и обратившись в полицию, окончательно потерял авторитет.

Наблюдая за этими событиями, я задумывался о жестокости жизни. Я догадывался, что наши детские драки — просто игрушки по сравнению с тем, что творится во взрослом мире. В выпускном классе я стал просто одержим мыслью о том, что нужно определиться с профессией и любой ценой сделать карьеру. Хотя в ту пору в моей душе зарождалась любовь, я, твердо решив уехать из нашего района, бросил все силы на подготовку к поступлению в университет.

Я понял, что практически все местные парни сохнут по Чха Суне, дочке лапшичника, когда сам уже был по уши влюблен в нее. Началось с того, что Малой повадился вдруг ходить за водой к колонке, даже если была не его очередь. Я как-то похвалил его за трудолюбие и заметил, как переглянулись и прыснули со смеху другие мальчишки. А Чемён сказал:

— Нашел за что хвалить. На Суну он ходит посмотреть, вот что.

Ну конечно, колонка же была неподалеку от лапшичной. Сам Чемён стал вдруг клеить афиши на их дверь и приносить им приглашения на фильмы, которые крутили в кинотеат-

тре. Дома у братьев все чаще вместо суджеби стали есть куксу — деньги, что ли, появились? А Мёсун, почувствовав, откуда дует ветер, стала канючить, что тоже хочет ходить в школу, как Суна.

Иногда мы встречались по дороге в школу или ездили в одном автобусе. А однажды я зашел в автобус, смотрю: Суна сидит прямо передо мной. Она украдкой взяла у меня сумку и положила на колени, поверх своей. Я смог только выдавить слабую улыбку и кивнуть. Наверно, ей придала решимости мысль, что только мы из всего района ходили в школу, и она заговорила со мной:

— Ух ты, у тебя книга из библиотеки.

Она взяла за корешок книгу, торчавшую из моего портфеля. Я приободрился:

— Да, а ты бывала там?

— Да, брала как-то книги...

Потом почти всю дорогу мы молчали. Автобус останавливался у рынка, и, выйдя на улицу, нам нужно было сделать вид, что мы друг друга не знаем. Остановка неумолимо приближалась, и я решился:

— Я в пятницу пойду за книгами, хочешь со мной?

— Только после уроков, во сколько?

— Где-то в полпятого.

— До встречи.

Библиотека находилась на полпути от школы к дому Суны. Закрывалась в шесть вечера, так что у нас было полно времени. В тот день очень кстати пошел дождь. Я специально не взял зонтик. И нам пришлось идти вместе под ее зонтом. После этого мы встретились еще несколько раз, и потом, отмучившись со вступительными экзаменами, я приглашал ее гулять в центр города. Странно, что у меня остались лишь смутные воспоминания о ней. Хотя, учитывая, что последующие десятилетия я прожил будто бы в другом мире, может, это и не удивительно.

4

С наступлением утра пробуждаются, будто стремясь опередить друг друга, всевозможные звуки и делают сон особенно чутким. Задремав без посетителей, я вздрагиваю от скрипа открывающейся двери, просыпаюсь и вижу проносящиеся мимо как ни в чем не бывало машины, гул которых наполняет мое сознание. В последние дни я занята подготовкой к спектаклю, ношусь целыми сутками, лишь с утра удается ненадолго сомкнуть глаза, и мне нелегко просидеть лишний час в магазине. Я трясусь головой, пытаюсь прогнать сон, и у меня темнеет в глазах, будто передо мной вьется рой пчел, вылетевший из потревоженного улья. Отчего-то в такие дни, как сегодня, когда я валюсь с ног от усталости и даже подняться трудно, мне вспоминается Черная футболка, Ким Мину. У меня сердце обрывается, стоит увидеть какого-нибудь мужчину в чер-

ной футболке и бейсболке, широкими шагами идущего через переход. Или вот еще бывает: услышу рев подъезжающего мотоцикла, на котором развозят пиццу, и мне делается не по себе до тошноты. Когда мы впервые встретились, он, представляясь, почему-то сказал:

— Я безработный.

— Что, прямо фамилия такая?

Я расхохоталась, но у него ни один мускул в лице не дрогнул.

— Да нет, говорю же: безработный, — спокойно повторил он.

Я познакомилась с Мину, когда устроилась в пиццерию. И нет, я не строила глазки покупателям. Он тоже, как и я, там подрабатывал. В такие места обычно идут молодые люди, лет по двадцать, так что Мину выделялся на фоне остальных, как выделяются юноши, вернувшиеся после армии в университет. В свои тридцать лет он развозил пиццу. Он всегда ходил только в черных футболках. На них были разные надписи или рисунки, и в зависимости от сезона менялась ткань и длина рукавов, но они неизменно были черного цвета. Я была единственной из всей пиццерии, кого интересовало, почему он всегда носит черное. Он невозмутимо отвечал:

— Стирать не люблю, а что?

Из-за этого в пиццерии его не называли по имени, а прозвали Черной футболкой. Пока мы там работали, близко не общались. Было нам, как говорится, друг на друга совершенно начхать.

Как только я устроилась в пиццерию, менеджер, которому я, вероятно, показалась энергичной и выносливой, поручил мне помогать на кухне. Тесто я, конечно, не замешивала, а выкладывала начинку и мыла овощи. Несколько раз я перепутала ингредиенты, и мне сразу же назначили испытательный срок. Три месяца из моей почасовой оплаты вычитали деньги. Конечно, мне надо было подписывать рабочий контракт, пусть это и подработка, но все же — вот так, будто само собой разумеется, ничего не сказав, урезать плату, это уж слишком. В первый месяц я внимательно изучила рецепт каждой пиццы и молча терпела до конца срока. Но на четвертый месяц мне опять заплатили меньше, чем должны были, как и до этого. Я пошла жаловаться к менеджеру, и он сказал, что я самовольно прогуляла пару дней в середине месяца, поэтому он удержал часть суммы. Триста тысяч вон — не слишком ли много? В ответ он сказал, что вообще собирается продлить период возмещения ущерба. Ну что мне тут было делать?

Одному взрослому человеку, чтобы прожить в Сеуле, необходимо получать миллион шестьсот вон в месяц. Я рассчитывала получить миллион, и из этого он отбирал у меня чуть ли не половину. Получалось, что я работаю за три тысячи вон в час.

Мы наорали друг на друга, и я, отрезав, что с завтрашнего дня увольняюсь, собралась уже было уходить, как вдруг вмешался Черная футболка. Он потребовал ответа у менеджера, почему тот не заключает рабочие контракты, — может, ему закон не указ? Перечислил все по пунктам: что про испытательный срок нужно предупредить работника сразу при трудоустройстве, что, если испытательный срок длится три месяца, значит, потом необходимо правильно рассчитывать почасовую оплату. Но менеджер не только не признавал свою вину, но считал, что я все, что заработала, получила и говорить больше тут не о чем. Черная футболка не спеша снял куртку с логотипом пиццерии и сказал, что тоже увольняется и завтра же отправит жалобу в Министерство труда и занятости, а заодно и в районную биржу труда. Менеджер только усмехнулся в ответ, сказав, что он может делать что хочет, и мы порознь ушли.

Сейчас я уже не та — почасовая оплата и моя работа меня вполне устраивают, и я

больше не лезу на рожон. За час смены в магазине я должна получать четыре тысячи пятьсот вон, а если работать по ночам или сверхурочно, то мне должны еще пятьдесят процентов сверху, плюс за пять рабочих дней на неделе мне полагаются, пусть там и копейки, но все же — оплачиваемые выходные. Однако мы договорились, что мне будут выплачивать не больше шестидесяти тысяч вон за десять часов в ночную смену. Я поставила только одно условие: чтобы деньги мне отдавали каждый день. Со случая в пиццерии не так уж много лет прошло, и тот урок точно не прошел для меня бесследно, да и по характеру я дотошная. Но со временем ввязываться в конфликты становится все тяжелее, так что я стала сговорчивей.

Спустя несколько дней во время репетиции мне передали, что ко мне кто-то пришел. Это был Черная футболка. Он посадил меня в свой старенький внедорожник с ревущим двигателем, и мы поехали в пиццерию, где нас уже ждал сам директор, чтобы вручить конверт с тремястами тысячами вон. Я взяла деньги, на глазок пересчитала и, сложив пополам, собиралась сунуть в карман джинсов, но Черная футболка проворно выхватил их у меня.

— Так украдут, надо убрать в сумку.

— Может, пойдём поедим, раз неожиданно-негаданно появились деньги?

Я чувствовала себя, будто внезапно получила наследство, да и не хотелось мне просто развернуться и уйти с этими деньгами.

— Легкомысленные девушки нынче пошли, — пробормотал он и, оглянувшись, направился к первой попавшейся на глаза закусочной, где готовили суп из кровяной колбасы.

Я спросила, что за чудо только что произошло. Менеджер явно уступил не из-за жалоб в Министерство труда. Он прекрасно знал, что такие жалобы были простой формальностью, их оставляли без внимания, и недобросовестные хозяева, которым даже уведомления из ведомств не присылали, ничего не выплачивали пострадавшим. Черная футболка попросил какого-то друга позвонить менеджеру. Тот позвонил и начал угрожать: вот, мол, жалобы на тебя, проблем захотел? Потом написал на плакате о грешках менеджера, да так, чтоб видно было, и с обеда до вечера, когда посетителей больше всего, простоял с ним напротив пиццерии. Позвонили владельцу заведения, который в это время был в другой закусочной, — он прибежал и, выяснив, в чем дело, согласился пойти навстречу. Обещал, что впредь даже с временными работниками бу-

дут заключать контракт. И что все там будет прописано: и срок действия контракта, и рабочие часы, и обязанности, и зарплаты.

Благодаря знакомствам Черной футболки не прошло и недели, как я уже работала в кофейне около университета. После увольнения он подрабатывал одновременно в двух-трех местах. Мы иногда встречались. Он, бывало, забегал к нам в кофейню после рабочего дня, а я как-то пригласила его на премьеру в наш театр. У нас сложились такие непринужденные дружеские отношения, что со стороны мы, наверное, выглядели как пара со стажем. Но, будто сговорившись, мы держали дистанцию, считая, что флирт или романтические отношения не для нас. Если, оставшись вдвоем, мы чувствовали что-то странное, просто делали вид, будто ничего не происходит, и непринужденно продолжали общение. Иногда мы пропускали вместе по стаканчику и одолевало желание пожаловаться на жизнь, поплакать, но в таких ситуациях я просто сидела, уставившись на надпись или картинку у него на футболке, а потом отпускала очередную шуточку, чтобы разрядить обстановку.

После окончания техникума его освободили от службы в армии, ведь он был единственным опекуном своей матери — вдовы.

Пройдя альтернативную гражданскую службу, он устроился на работу, где продержался восемь лет. Однако все эти годы он работал по временному контракту, а на постоянную должность его так и не взяли. Он был моим старшим товарищем, знал о мире куда больше моего. Мои знакомые гонялись за миражами, а он выделялся среди них, казавшись серьезнее и старше. Поначалу я ничего не спрашивала о его семье, друзьях. Почему-то было понятно, что он не из тех, у кого много приятелей. В этом мы с ним были похожи. Актеры и режиссеры, с которыми я общалась в театре, после работы расходились по своим делам, и мы снова встречались только на сцене. Это был мир фантазий, далекий от реальной жизни. Хотя у Черной футболки было профессиональное образование, это не давало ему преимуществ перед выпускниками старших классов. Вообще, то, что он не мог найти постоянную работу, было естественно в обществе, где бакалавры и магистры массово не могут никуда устроиться.

Он перебивался случайными заработками, пока однажды не попался на глаза какому-то инженеру, который пристроил его временным сотрудником в строительную компанию. Ему поручили помогать в отделе найма рабочих,

и он окунулся в новое дело с головой. Но, когда закончился год и ему пришлось продлевать контракт, условия работы оказались несравнимо хуже, чем у штатных сотрудников. О ежегодном отпуске и повышении квалификации и речи не было, платили не больше половины суммы, которая полагалась штатным работникам, и никаких бонусов и стимулирующих выплат. На корпоративных ужинах ему полагалось помалкивать, поэтому он молча ел и, единственный, уходил, не дождавшись конца вечера.

Ким Мину вообще был не болтун, но за несколько месяцев до того, как это случилось, совсем замкнулся. Обычно я болтала без умолку, а он только слушал. Хотя нет, довольно часто он просто сидел, глядя в одну точку. Но мне было с ним очень комфортно — есть, выпивать, работать. Он не пытался покрасоваться передо мной, ничего от меня не требовал — словно каждый из нас был наедине с самим собой. Однажды мы с ним зашли в пивную и наткнулись там на одного моего знакомого по театру — я представила Мину как своего кузена. Пообщавшись с нами, тот с легкостью поверил, что Мину мой брат и мы вместе росли.

Люди идут на работу, и посетителей в магазине становится все больше. Кто-то покупает

банку холодного кофе, мрачный офисный работник ставит у кассы средство от похмелья, какой-то юноша, залив кипятком лапшу быстрого приготовления, устраивается за столиком у окна, девушка, купив сэндвич и напиток, бежит на работу, наши постоянные покупатели заходят за привычными ланч-боксами. Ровно в девять появился хозяин, чтобы сменить меня. Сегодня он проспал на час дольше обычного и лицо у него совсем опухшее. Он огляделся по сторонам. Я, сняв фартук, надела на плечи рюкзак и молча ждала у кассы. Убедившись, что все в порядке, он протянул мне шестьдесят тысяч вон.

— Сегодня чтоб без опозданий, — проговорил он.

— Извините за вчерашнее.

Я помню, что сегодня не только последняя репетиция, но и пятничный вечер, когда покупателей в магазине будет пруд пруди. Завтра меня сменит студент, который работает по выходным.

В автобусе из центра много свободных мест. В то же самое время автобусы, направляющиеся в Сеул, заполнены до отказа. Едва усевшись в кресло, я тут же задремала. Проснувшись, когда уже подъезжала к своей остановке.

Поднимаясь по склону горы к отделанной блеклой плиткой многоэтажке, я услышала, что на телефон пришло сообщение:

Ты освободилась? Устала? Премьера завтра? Если я не смогу, приду послезавтра. Давно не виделись, скучаю.

Эсэмэска была от мамы Мину. Я остановилась, чтобы написать ответ.

Вы с работы? Я уже у дома. Устала ужасно(Напишите, когда сможете прийти. Посидим после спектакля;)

Я собираюсь спускаться вниз по лестнице на цокольный этаж, но разворачиваюсь и поднимаюсь вверх. На этажах по обеим сторонам коридора располагаются однокомнатные квартиры, на третьем этаже живет хозяйка, жена государственного служащего на пенсии, добрая и порядочная женщина. Я позвонила в дверь. Она открылась, и в проеме показалось лицо хозяйки. Ей прекрасно известно, откуда я пришла в такой час. Я достала триста тысяч вон и протянула ей.

— Я вам должна за два месяца. Тут за один, а после спектакля отдам то, что осталось.

Тетушка цокнула языком.

— Не спишь по ночам, угробишь ты свое здоровье. На тебе вон лица нет. Поешь хоть успеваешь?

— А то как же — ем, чтобы жить, — улыбнулась я.

Уже собралась уходить, как тетушка меня снова окликнула:

— Погоди-ка, смотри, что дам.

Она протянула мне пакет с кимчи, присланный из деревни. У меня потекли слюнки от запаха домашних солений. Поблагодарив на прощание хозяйку, которая не преминула заботливо уточнить, остался ли у меня рис, чтобы поесть с кимчи, я стала медленно спускаться в темноту полуподвала, где находилась моя квартирка.

В офис позвонил Чхве Сынгвон. Сказал, что намечается собрание по «Миру Азии» и обед с директором Лимом. Я выслушал его без энтузиазма, но не пойти не мог, ведь до открытия цифрового центра «Ханган» оставалось всего несколько месяцев. В газетах несколько раз писали о финансовых махинациях Лима и «Тэдон констракшн», хотя дела с проектами и без этого шли не очень. В процессе строительства «Мира Азии» менялось то начальство, то архитектурное бюро, так что открытие проекта откладывалось. Лим то ли не знал, то ли не интересовался тем, что мне поручили проектирование «Хангана». Возможно, Чхве Сынгвон напомнил ему обо мне. Чхве Сынгвон был младшим братом моего однокурсника.

Его старший брат, Чхве Сыниль, учился изобразительному искусству. Когда я, поступив

на строительный факультет, заинтересовался живописью, кто-то рассказал мне про мастерскую, где как раз бывал Чхве Сыниль. Благодаря кому-то из старшекурсников он устроился туда помощником, чтобы поднатореть в практике перед вступительными экзаменами. Сыниль был из обеспеченной сеульской семьи. Отец — профессор университета, мать — известный дизайнер. Приходя к ним в гости, я поражался, что его братья без тени смущения выпивают и курят вместе с отцом. Но главным предметом моей зависти стал книжный шкаф во всю гостиную, доверху забитый книгами. Благодаря Сынилю я научился мастерски чертить и рисовать эскизы. К несчастью, после окончания университета Сыниль погиб в аварии. Обычно он засыпал после первой же рюмки, но тут почему-то прилично напился, поймал такси, как полагается, но на крутом повороте с шоссе машина врезалась в подъезжающий к остановке автобус. Позже Сынгвон рассказал, что в тот день Сыниль расстался с девушкой. Меня тогда взяли стажером на временную позицию в «Хёнсан констракшн», я с головой ушел в работу и даже не знал о случившемся, не говоря уж о том, чтобы прийти на похороны.

После учебы за границей я снова устроился в «Хёнсан констракшн», уже на руководящую должность, и вот тогда, не помню точно в какой год, мне позвонил Чхве Сынгвон. Он нашел меня по рекомендациям, чтобы посоветоваться кое о чем по бизнесу. Сам Чхве Сынгвон, в свою очередь, обладая обширными знаниями в разных сферах, мог проконсультировать меня в вопросах строительства и дизайна. Он трудился в крупной шанхайской рекламной компании. Потом открыл собственную фирму. «Заработал себе на кусок хлеба», как он сам сказал, и прикрыл бизнес. По-моему, недвижимость составляла большую часть его состояния.

Ему удавалось соединять такие разные культуру и бизнес, он издавал книги, посещал лекции и объединял вокруг себя множество людей. Он возглавлял культурный фонд, названный какой-то стихотворной цитатой. Фонд этот был, по сути, закрытым клубом для прожигателей жизни. За последний год я и сам несколько раз, получив приглашение от Чхве Сынгвона, посещал их мероприятия. Мы встречались на фуршетах, чтобы обменяться визитками и послушать лекцию какого-нибудь уважаемого человека, а потом, поддавшись атмосфере, ехали в шикарный

загородный дом кого-нибудь из участников продолжить веселье. Меня тошнило от их прекраснотушных речей и изысканных манер, но я смирился. Потому что, как мне казалось, понимаю одиночество и тревожность этих людей. Они должны были постоянно бороться за свое место под солнцем. Нужно было беспрестанно возвращать и укреплять каждый небольшой успех. Думаю, наши с Чхве Сынгвоном жизненные пути не слишком-то различались. Просто я был циничнее в своем восприятии мира.

Кажется, в прошлом году Лим, директор «Тэ-дон констракшн», пригласил меня на обед, и, придя в ресторан, я застал там Чхве Сынгвона. Мы не виделись долгие годы, но он был все тот же. Культура у него правила всем в мире.

— Тесен мир. Откуда вы знаете этого парня?

Лим ответил:

— Мы ходим в одну церковь.

А потом еще добавил:

— Благодаря ему мы с супругой аж на ранние литургии стали ходить.

Он рассказал, что они посещают маленькую тихую церковь, где все друг друга знают и где служит приглашенный пастор. Рассказал и про другие церкви, в которых можно было встретить людей из политических кругов.

— Но это что? Это же клубы знакомств для высшего общества. А вот у нас, как полагается, скромная община верующих.

Как бы то ни было, дальше Лим перешел к разговору о плане по «Миру Азии», и Чхве Сынгвон пустился в деталях объяснять, что там к чему. По моему опыту работы с «Тэдон констракшн» и в строительных компаниях в молодости я мог догадаться, что это был за план. Куда направлено внимание действующего правительства — там и сосредоточены все усилия. Если речь шла о районе Сеула, то важной отправной точкой было: кто возглавляет центральную провинцию Кёнгидо, и является ли этот человек членом правящей партии. Я понимал, что, придя со своим планом, Чхве Сынгвон сделал лишь легкий набросок, который будет проявляться все ярче по ходу дела. Такие, как он, всегда стараются охватить как можно больший круг людей и забрасывать удочки во всех возможных направлениях. Сохранить место под солнцем не так сложно. Нужно просто прислушиваться к тому, что говорят власти предрежащие, но не повторять все слово в слово, а говорить нечто похожее и так, косвенно, показать, что придерживаешься тех же взглядов, что и правительство. Времена меняются, и порой такая позиция кормит, а порой

приводит к поражению. Но, даже в случае проигрыша, вряд ли окажешься на обочине жизни, ведь намерения твои честны и приличны, общественному благополучию ты не угрожаешь. Это так пошло и по-мещански, но именно это «приличные люди» считают здравым смыслом.

Скрывать свои настоящие мысли было одной из врожденных черт моего характера. Просто улыбаться, и все. В конце концов, я — один из них.

На корпоративной машине я выехал из Сеула. Редкие многоэтажки мелькали среди широких полей, по краям которых виднелись стройки современных зданий. Где-то стояли только каркасы, где-то уже высились наскоро возведенные стены из стекла и бетона.

За сотрудником, который меня встречал, я проследовал в кабинет. На двери висела табличка «Проект „Мир Азии“». Директор Лим обрадованно поприветствовал меня, Чхве Сынгвон же был занят подготовкой презентации. Напротив директора сидели представитель администрации округа, начальник отдела культуры, человек из кредитной организации, кто-то из банка и еще один молодой мужчина. Директор поторопил:

— Давайте поскорее начинать, некоторые из наших гостей спешат.

— Да, у меня еще встреча сейчас, — тихо сказал молодой человек Чхве Сынгвону.

Тот сразу же включил проектор и направил луч на стену. На экране замелькали изображения генерального плана и зарисовки рельефа, сделанные в нашей строительной компании. Потом он заговорил о «корейской волне». Подчеркнул, как важно создать базу для производства контента в связи со стремительным распространением корейской массовой культуры, К-поп и сериалов в Азии и во всем мире. Все терпеливо слушали, хотя подобные разговоры велись к тому моменту уже годами. Однако такие площади невозможно будет постоянно задействовать лишь для создания контента, поэтому необходимо также отвести территорию для большого торгового центра, отеля и ресторанов. Предполагается строительство павильона для съемок фильмов и сериалов, студий для работы музыкантов, художников и актеров. Возможно и создание зоны отдыха — спа и аутлеты на подземных этажах демонстрировались на слайдах, как и все остальное. Показали нам и изображения куполообразного театра и кинотеатра. За год в аэропорту Инчхон бывают миллионы пассажиров — почему бы не организовать здесь для них зону краткосрочного туризма? Чхве

Сынгвон убедительно говорил о преимуществах открытия торгового комплекса на границе с западными районами Сеула, где можно будет купить все от одежды до электроники; рассуждал, сколько помещений можно будет отдать под склады. Все это демонстрировалось на слайдах в общем и в подробностях.

Презентация продлилась около часа. Первым поднялся молодой человек.

— Пришлите мне все материалы, пожалуйста, — проговорил он и ушел.

Чхве Сынгвон потом шепнул мне, что молодой человек какая-то большая шишка и заполучить его на брифинг было крайне сложно. Он пытался затащить меня на ужин, но я, сославшись на другую встречу, ушел. Я и правда собирался на открытие ретроспективной выставки Ким Киёна. Когда я ехал обратно по той же дороге, у меня родилось ощущение, что я попал в тоннель, ведущий в другой мир. Все вокруг лишь фантазия. Разве не так? Фантазии о несбывшихся еще желаниях обретают форму и вроде бы становятся реальностью, чтобы снова превратиться в фантазии и исчезнуть. Редкие дома в поле, бетонные, на стальных сваях, вдруг показались частью виртуального мира.

У входа в выставочный зал я увидел профессора Ли Ёнбина и родственников Ким Киё-

на. На выставку в основном пришли студенты и люди из архитектурных и культурных кругов. Некоторые из них знали Ким Киёна, другие понятия не имели, кто это. Экспонатами были различные наброски, рисунки, эскизы зданий, отдельное помещение было отдано под миниатюры, в другом можно было посмотреть фотографии и видеоматериалы. С экрана звучал голос Кима:

— При японцах в Корее создавали клоны сооружений псевдосовременного стиля, которые, в свою очередь, были скопированы с европейских. Так появились здания генерал-губернаторства и сеульского вокзала. После войны поверх чудовищных руин, в условиях дефицита материалов и средств возводили временные дома, которые вскоре, меньше чем через десяток лет, приходилось перестраивать. Торговцы недвижимостью строили дома для простого люда. Так по холмам расплзались трущобы с их разветвленной сетью улиц и переулков. Чуть только более или менее сносными стали условия жизни, появилась традиция вырезать в бетоне узоры, представляющие собой переосмысленные мотивы традиционного орнамента. Тут закончилась работа старшего поколения, и пришли новые строители, потратившие свои жизни на то, чтобы насадить бетонные леса домов, похожих

на коробки. Так многих людей затащили или, лучше сказать, вытеснили в пространство искаженных желаний. Строительство не стирает память, а, используя ее как фон, подспудно реорганизует жизнь людей. Исполнив одну мечту, мы уничтожаем множество других.

На следующих кадрах была отдаленная горная деревушка, где Ким Киён когда-то работал. Он сидит на веранде с какой-то старушкой, держит ее за руки. «Что вы хотели бы, чтобы здесь построили? Я из волостного управления». — «Ой, вот этого не надо. Проку нет никакого от этих ваших управлений». — «А что нужно?» — «Баню хорошо бы. Хозяйки целыми днями бегают туда-сюда, все в поту, хоть бы где водичкой окатиться. Старики вот тоже — кости ноют, а прогреться негде». — «Хорошо, построим обязательно». — «Ой, не врешь?» — «Ну что вы! Обещаю». Крупным планом показывают их, такие разные, руки. Одна — не державшая ничего тяжелее карандаша, тонкая и слабая рука архитектора, другая — рука старухи с узловатыми, похожими на сухие ветки пальцами, сомкнулись в рукопожатии.

Ким Киён отдыхал во внутреннем помещении галереи. Его знакомые, собравшись группками по два-три человека, сидели или стояли поодаль. Я опустился на стул рядом с ним.

— Спасибо тебе за помощь.

— Я и не знал, что ты так много сделал, — сказал я совершенно искренне.

Само собой, если посмотреть на то, насколько впечатляюще изменился город за последние десятилетия, его вклад кажется незначительным. Нет, среди нас он, конечно, выглядел, как не без иронии говорили за глаза его коллеги, блаженным. Однако созданные им тут и там в захолустных городках, в глуши, небольшие общественные здания были особенными, ведь они служили людям. На фотографиях они выглядели симпатично, словно игрушечные. Профессор Ли Ёнбин обратился ко мне:

— Ты в жизни-то его работы не видел?

Я не ответил.

— Да у него вечно столько работы, когда ему ездить смотреть, — слышался слабый, дрожащий голос Ким Киёна.

— Ну, я как-то попал на остров Чечжудо, а там твои глиняные дома, где можно было пожить, чтобы узнать, как жили наши предки.

— А, тот проект закрыли. Обычное дело — он денег-то особо не приносил.

Больше мы не разговаривали. Просто сидели и рассеянно наблюдали за гостями. Все понимали, как недолго осталось ему жить, и старались меньше болтать. Стоило Ким

Киёну сесть в инвалидное кресло, чтобы возвращаться в больницу, гости, как по сигналу, разошлись.

Ли Ёнбин звал с ним выпить, но я, сославшись на срочное дело, ушел. Придя домой, в одиночестве осушил несколько бокалов виски и вдруг набрал номер Чха Суны. Я и сам не понимал, с чего бы это. Почувствовал какую-то пустоту внутри. Бывают такие моменты, когда, например, просыпаешься от изжоги после попойки, или сядешь за стол один, или, скажем, загружаешь белье в стиральную машину, а потом перекладываешь его в сушилку, или когда грипп тебя косит на пару дней, — вдруг ни с того ни с сего, как внезапный голод, накатит тоска. Неожиданно из трубки раздалось: «Набранный вами номер не существует».

После выставки Ким Киён окончательно слег и ушел в самый разгар летнего зноя, где-то в середине августа. Теперь он стал горсткой пепла на полке колумбария. По этому поводу все снова собрались, напились, пошумели и, поделившись накопившимися сплетнями, разошлись.

С того самого дня, как мы созвонились с Чха Суной после пикника на Канхвадо, я пытался связаться с ней только раз, вне-

запно вспомнив про нее вечером того дня, когда проводилась выставка Ким Киёна. Мне отчего-то не верилось, что мы вообще смогли пообщаться, — казалось, это был просто сон. Тем временем деревья гинкго, которые росли вдоль забора моего таунхауса, начали желтеть.

На телефоне появилось уведомление о том, что на электронную почту пришло письмо. С возрастом я стал плохо видеть вблизи, поэтому не любил читать с экрана мобильного. Я открыл ноутбук. Письмо было отправлено с неизвестного адреса, но в начале текста стояло мое имя и в том, что оно предназначалось именно мне, сомневаться не приходилось.

У меня изменились обстоятельства. По некоторым причинам я не могу теперь говорить по телефону.

После нашего разговора я потеряла покой. Давно забытые дни ожили в памяти, словно это было только вчера. Хотя забытые ли? Нет, ни на миг я не забывала то, что было. Схоронив мужа, я каждую свободную минуту, когда не была занята с сыном, писала о минувших днях. Как правильно сказать? Писала дневник? Автобиографию? Этими глупыми записками мне случалось и утешать себя, и обвинять, и хвалить за терпение, за то, что прожила хорошую жизнь.

Несколько месяцев назад я потеряла единственного сына и была близка к отчаянию, как вдруг в моей жизни снова появились вы. И так странно было. Я случайно узнала, что вы читаете лекцию совсем недалеко от меня, но почему-то не смогла сорваться и приехать, о чем одновременно и жалею, и нет. Я сильно постарела. Так что правильно я, наверно, сделала, что не приехала. Не встретившись со мной сейчас, вы навсегда запомните меня красивой и изящной двадцатилетней девушкой.

Я и сама не знаю, почему вдруг пишу вам. Почему-то захотелось поведать старому другу историю своей жизни. Надеюсь, вы поймете меня: когда думаешь о том, как промелькнула жизнь, кому пожалуешься? Остается только излить душу тому, кого давно знаешь. Мне не хотелось бы причинять вам неудобства, не хотелось бы, чтобы мои записи стали для вас обузой. Все живо в моей памяти: как ходили с вами в библиотеку, как обсуждали книги. Может, это эгоизм, думать, что ценные для меня воспоминания о днях, проведенных вместе, стоят того, чтобы рассказывать о них кому-то еще? Если вы не захотите открывать прикрепленный файл, это необязательно, просто удалите его.

Я открыл файл. Невольно улыбнулся, подумав, как она, усевшись за компьютер, записывала одну за другой свои истории. Ведь и правда: каждый раз я рисовал себе не ту Чха Суну, которой она была сейчас, а девушку двадцати лет. Никак не мог представить себе ее шестидесятилетней. Она пишет, что располнела и застеснялась приходить на лекцию, — ну что ж, наверняка, как и большинство замужних женщин с возрастом. Говорят, часто, встретив первую любовь спустя годы, люди разочаровываются. Но ведь стареют и дурнеют оба, да и не мне говорить об обманутых надеждах. Место, где мы жили в юности, уже не существовало на земле, лишь чувство прежних событий хранилось в памяти; тому, что прошло, нет возврата.

Отец был старше матери на пятнадцать лет. Он приехал в Пусан в тридцать пять, а ей тогда только исполнилось двадцать. Отец всегда говорил, что он беженец, хотя на самом деле попал в плен к ополченцам и содержался в лагере для военнопленных на острове Коджедо. Как уж он умудрился, не знаю, но ему удалось присоединиться к группе антикоммунистически настроенных заключенных, и его освободили. Однажды он, одетый в поношенную военную

форму, появился в лапшичную деда и бабушки в округе Ёндо и попросил дать ему какую-нибудь работу. Производство куксу в Ёндо в свое время принадлежало японцам, но хозяин уехал, и все права перешли деду.

Мама была дочерью лапшичника, так же, как и я. У нее был брат на три года старше, но его забрали на войну, и он не вернулся с фронта. Я видела дядю только на фотографиях. Дед порадовался про себя, что вместо пропавшего без вести сына получил работника, ведь лишние руки были на вес золота. Маленькую табличку, на которой иероглифами было написано «Лапшичная „Морияма“», он не стал менять, оставил как есть. Поэтому на наших старых фотографиях видно именно это название. В ту пору хибарки беженцев выросли по всему району как грибы после дождя, и лапшичная, не останавливая работу ни на минуту, едва справлялась с тем, чтобы произвести необходимое количество куксу. Окончив девятый класс, мама стала работать в лапшичной, куда, кроме моего отца, взяли на работу еще двоих молодых людей. Отец, которому тогда уже минуло тридцать пять лет, был простым работягой, охмурять молоденьких девушек не умел. Однако он был бесхитростным человеком, любое вверенное ему дело выполнял на совесть

и тем самым завоевал безграничное доверие деда. Который, кстати, по складу своему был совсем другим. Он вечно слонялся где-то, свалив все дела на отца, — и вот тут-то у них с матерью все само собой и сладилось. Бабушка, правда, говорила, что это она вытолкала дочь замуж. Дед купил соседний дом, а потом и еще один, позади нашего, производство расширялось, дела шли хорошо, дед, который всегда был охоч до выпивки, стал пить все чаще, шататься по заведениям, где работали всякие женщины, и в конце концов ушел жить отдельно. Потом у него родился сын, и больше мы его не видели. Перед тем как уйти окончательно, дед продал производство и дом. Тогда отец, недолго думая, увез осиротевших бабушку и маму в Сеул. Я тогда в третий класс ходила. Отец на юге только тому и научился, что делать куксу, но в Сеуле это ему пригодилось. Взяв деньги, скопленные бабушкой, и набрав еще долгов, он купил аппарат для изготовления куксу. Открывать лавку на городской улице или на большом рынке было ему не по карману, поэтому он нашел небольшой район на склоне горы на самой окраине. Там мы и поселились.

До старших классов я одна из местных детей ходила в школу. Я любила читать и хорошо училась. Потом, кроме меня, в школу стал

ходить еще один мальчик — не помню точно, когда он переехал в наш район.

Я облюбовала чердак, где сушили куксу, и каждый день, приходя из школы, брала книжку и забиралась туда. На чердаке я будто освобождалась от реальности и уходила в свой собственный мир. Несколько лет спустя после нашего переезда в Сеул умерла бабушка, но расходы остались прежними, если не увеличились, и отец едва мог заработать на пропитание для нас троих.

Неловко такое рассказывать, но я прекрасно знала, что нравлюсь многим мальчикам в округе. Разные мальчишки, собравшись в компании человек по пять, постоянно слонялись вдоль нашего забора, делая вид, что они пришли к колонке за водой. Чаще всего там были Чемён с братом и ребята, которые чистили обувь. Еще помню, все время докучал парень по прозвищу Пень. Но Пак Мину не было с ними. Пак Мину был не таким, как они все. Они были похожи на бродяг, и я со стыда сгорала, что живу с ними по соседству.

Наш район был настолько бедным, что там домов со стеклянными окнами было раз-два и обчелся. Большинство лачуг стояли как слепые — оконные проемы просто закрывали досками. До сих пор помню тот день, когда в моей ком-

нате сделали стеклянные окна, вот радости-то было! Ведь раньше как: пока доску не отодвнешь, внутри темно, что снаружи делается — не видно. А теперь благодать: можно было лежать перед сном и любоваться усыпанным звездами небом, а днем комнату согревало ласковое яркое солнышко. В дождливые или снежные дни можно было просто встать, прильнув к оконному стеклу, и смотреть на улицу.

Вот и в тот день я стояла, глядя в окно, как вдруг увидела, что к нам идет Пак Мину, мальчик из лавки, где делали омуки. У нашего дома он замешкался, будто не решаясь войти. Я скорее побежала из комнаты, чтобы пригласить его внутрь. Отчего-то у меня колотилось сердце и лицо горело. Вскоре я услышала, как он зовет: «Кто-нибудь есть?» Он принес сверток с кусочками омука — такого вкусно-го мне не доводилось есть с тех самых пор. Потом он стал частенько заходить то купить лапши, то занести омуки, а еще мы все время встречались на остановке или в автобусе. Помню, как мы впервые встретились за пределами нашего района. Шел дождь. Он забыл зонт, и мы под моим зонтом прошагали три автобусные остановки. Он положил руку поверх моей, и я сразу ее отдернула, уронив зонтик. Он поднял его и понес сам. Дождь хлестал и хлестал, и он

закрывал меня зонтом, сам только наклонив под его защиту голову. Его одежда вымокла до нитки.

В библиотеке я взяла «Кнульпа» Германа Гессе, а он — «Братьев Карамазовых». Потом я ждала того дня, когда нужно возвращать книги, чтобы снова с ним встретиться. На дороге, ведущей от библиотеки к нашим улицам, была закусочная. Мы покупали булочки на пару или сладкую фасолевую кашу и разговаривали о прочитанных книгах. А потом он вдруг стал говорить про беспросветное будущее. Стал угрюмым: дело ли выпускнику, у которого впереди вступительные экзамены, расслаживаться по закусточным с девчонками? Я хорошо училась, да и до выпуска мне оставался еще целый год, поэтому я на этот счет не переживала. А он все время повторял, что хочет уехать из нашего района. И нет другого пути, кроме учебы.

С наступлением зимы в нашем горном районе появлялись телеги, на которых привозили уголь в брикетах. Доставлять уголь к нам было небезопасно, и продавцы наотрез отказались это делать. Поэтому люди сами загружали брикеты, два-три раза обвязанные веревкой, на двухколесные тачки и по скользкой от снега дороге тащили их всей семьей. Мой отец потом погиб от угольного газа. Каждую зиму по сосед-

ству кто-то умирал, отравившись газом. Помню, я тоже как-то отравилась немного, и мама советовала мне поесть суп из кимчи, а я делала вид, что точно умру, если только она не купит мне газировки. Уж не знаю почему, но в то время любая сладкая газировка типа «Колы» или «Фанты» казалась мне потрясающе вкусной, и я часто притворялась, что у меня болит живот и помочь мне смогут только едкие пузырьки. Однажды, проснувшись на рассвете, я спросонья схватила с подоконника бутылку, как мне показалось, газированной воды, и несколько раз жадно глотнула из нее. Что-то склизкое проскочило мне в горло и я, подавив рвотный рефлекс, заснула снова. Проснулась утром под причитания бабушки. В бутылочке, где хранилось ее масло камелии для волос, не осталось ни капли. «Это что ж за чудеса!» Тут-то меня вырвало, хорошо, успела ночной горшок взять.

Становясь старше, я отчего-то все чаще вспоминаю наш район уютным и спокойным. День и ночь в переулках слышались смех и болтовня детей — их было помногу в каждой семье. Бывало, конечно, слышались вопли кого-нибудь из соседок: «Ай, убьешь! Да и убей, это, что ли, жизнь?» А на следующее утро та же женщина с распухшим лицом выходила на порог провожать главу семьи на работу, протягивала

узелок с едой, заботливо приготовленной заранее. Иногда так скучаю, когда вспоминаю, как ходили к колонке постирать и набрать воды. А в дождливые дни порой соберемся в тесной комнатухе все вместе — тихо, только слышно, как стучат по кровле, как стекают с карниза капли дождя, убаюкивая, погружая в сладкий сон.

Помню, как он впервые взял меня за руку. Однажды мы решили прогуляться подальше от нашего района. Дошли до Канхвамуна, там смотрели «Историю любви». Сцена, в которой Оливер и Дженни играют в снежки, до сих пор перед глазами. Ох и рыдала я из-за того, что Дженни умерла от лейкемии! Кажется, тогда это и произошло. Не отнимая руки, другой свободной я вытирала бегущие по щекам слезы.

Когда его зачисляли в престижный университет, как же все волновались, а потом разговоров-то было и на рынке, да и по всей округе, еще бы: такое событие. Той зимой будто весь мир вращался вокруг Пак Мину. Но начались каникулы, и не прошло и трех дней, как мы снова гуляли по округе.

Вскоре пришел и мой черед оканчивать школу. Пак Мину, став студентом лучшего вуза Республики Корея, появлялся дома все реже. Потом он совсем пропал, я как-то не выдержала,

пошла на рынок за омуком и, преодолевая стыд, спросила, когда он придет. Оказалось, что теперь он появляется раз в несколько месяцев, да и то забежит в лавку, поест наскоро и опять уедет. Он устроился домашним учителем в богатую семью и теперь сам зарабатывал себе на образование. Стиснув зубы, я корпела над учебниками, чтобы быть не хуже него. Осталось всего годик потерпеть, а там и я уеду.

На этом рассказ обрывался. Что хотела мне сказать Чха Суна? Зачем она ворошит прошлое, зачем написала все это? И что было дальше? Я задавался все новыми вопросами, как вдруг неясные до этого момента воспоминания начали одно за другим обретать очертания. Чха Суна все написала правильно: поступив в университет, я заезжал домой все реже и реже, а потом пошел в армию и совсем отдалился от семьи. Отслужив, я сначала восстанавливался в университете, потом был занят поисками работы, устроился в компанию «Хёнсан констракшн» и окунулся с головой в работу. Домой приезжал хорошо если раз-два в год. Когда я учился за границей, мои родители переехали из съемного дома в свой собственный, а вскоре после этого умер отец. В течение последующих десяти лет наш район

на склоне горы стали обновлять, перестраивать и все соседи разъехались кто куда.

Как бы то ни было, я поймал удачу за хвост — поступив в престижный университет, я смог выйти на совершенно новую дорогу. Когда я уехал из дома, для меня стали очевидными некоторые вещи, о которых раньше я даже не задумывался. Большинство жителей нашего района были уроженцами провинции Чолладо, и семьи из провинции Кёнсандо, вроде моей или семьи Чха Суны, были там чужаками, как фасоль, которая случайно попала в миску с соевыми бобами и стала там прорастать. Когда я попал в большой мир, мое южное происхождение вдруг зазвучало совершенно по-новому. Выходцы из провинции Кёнсандо, начиная с генерала Пак Чонхи, годами крепко держали в своих руках политическую власть и бизнес. Заведут двое разговор в каком-нибудь учреждении или офисе и, к обоюдному удовольствию, слышат родной кёнсанский говор. Я даже жалел, что приехал с родителями в Сеул. Лучше бы остался на юге и оканчивал школу в городе Тэгу, он недалеко от Ёнсана. Там обзавелся бы нужными знакомствами и вполтину облегчил бы себе дальнейшую жизнь. Говорят же: «Дерись, бранись, а за своего держись». Вот и получается:

куда ни глянь, всюду чей-то земляк или родственник.

Как только я поступил в университет, приняли конституцию Юсин* и обстановка в стране и за ее пределами накалилась. Из-за протестов закрывали университеты, каждый день кто-нибудь из моих однокурсников пропускал занятия, попав под арест, и количество задержанных все росло и росло. Я твердо решил, что домой не вернусь. Как мул, которому надели на глаза шоры, я, не глядя по сторонам, ходил только по одной дороге: в библиотеку и университет. Как только выпадало свободное время, я носился по абитуриентам, готовя их к вступительным экзаменам. После этого возвращался в съемную комнату близ университета и падал от усталости. Так я и жил изо дня в день.

Я снимал комнату с одним парнем из провинции. Жить вдвоем было неудобно, и даже поесть было проблемой, потому что кастрюля для риса у нас тоже была одна на двоих. И вдобавок ко всему он еще был какой-то не-

* Конституция Юсин — конституция, принятая правительством Республики Корея в 1972 г. с целью, помимо прочего, уменьшить зависимость страны от США, продолжить экономические реформы и обеспечить несменяемость действующей власти.

доделанный активист. Я так думаю: лучше бы он шел да агитировал народ на заводах или в деревнях. А он вместо этого прятал в нашей комнате всякие листовки и книги бунтарского содержания. Из-за него я там только занимался иногда. Потом вообще съехал, чтобы работать домашним учителем, и это решение было весьма удачным. Я вошел в круг людей, который прежде был закрыт для меня, сына секретаря уездной администрации.

В молодости я не был таким циником. Я сочувствовал тем, кто борется с несправедливостью, и мне стоило больших трудов терпеть и мириться с собственным бездействием. Со временем подобный самоконтроль стал привычным, и я приобрел способность отстраненно и равнодушно наблюдать за собой и окружающими. Я считал это зрелой позицией. Наступали восьмидесятые, когда большинство людей смогли наконец перевести дух после долгих лет удушающей нищеты, и подобный отказ от борьбы и фатализм распространились повсеместно подобно тому, как ранка затягивается и становится частью тела. Только иногда напоминает о себе легким неудобством.

6

Открыв запертый на два оборота замок, я почувствовала привычный запах. Там было много всего намешано, но ярче всего выделялся промозглый запах плесени. Дом был построен на горе, так что моя комната за исключением той стороны, где был вход, находилась практически полностью под землей. Под потолком было крошечное прямоугольное окно с металлической решеткой, в которое было видно только ноги прохожих. Из-за плохой гидроизоляции внешняя стена постоянно была сырой — летом из-за влажности, зимой из-за разницы температур на улице и в помещении, поэтому на ней расцвела и пустила корни плесень. Позапрошлым летом в сезон дождей стало еще хуже. Ким Мину сказал, что, живя в таком месте, и заболеть чем-нибудь недолго, купил гидроизоляционную жидкость, покрыл ею стену, закрыл пенопластом и сверху

— поклеил новые обои. Но зимой пятнышки плесени начали появляться снова. Летом, стоило только пройти небольшому дождю, плесень безжалостно оставляла свои следы. Я оттираю их тряпкой с хлором, но плесень тут же растет опять. Я лежу, глядя на растущие пятна, у меня перехватывает дыхание и мне хочется заорать во всю глотку. Однако приближается сухой сезон, и можно будет хоть немного пожить. Я снова оглядываю комнату. Матрас, раковина, плита и микроволновка в стороне, небольшой холодильник, стиральная машина в темном закутке, стол и стул из фанеры, платяной шкаф, две тусклые лампы — одна над раковиной, вторая посреди комнаты, вот и все. Для меня одной вполне достаточно, правда? Я задерживаю квартплату месяцами, и хозяйке несложно найти мне замену, так что мирюсь со скромными жилищными условиями и ничего не требую. Полежав на старом матрасе, я поняла, что мне не заснуть, встала и села за компьютер. В последнее время я страдала бессонницей и питалась кое-как, так что у меня начали выпадать волосы. Они валяются по всей комнате, действуя мне на нервы. Как давно я уже не высыпалась всласть, придя с ночного дежурства и рухнув в изнеможении на матрас!

В последнее время я провожу часы, свободные от дежурства в магазине, запершись дома, и либо лениво просматриваю интернет, либо, пользуясь тем, что я наконец одна, пытаюсь что-нибудь написать. Мне хотелось бы, отложив немного театральные дела, поучаствовать в конкурсе киносценариев, но я привыкла работать со спектаклями и переключиться на кино никак не получалось.

Благодаря морю информации в Интернете я вижу мир, не выходя из дома. Когда плохо пишется, я скачиваю фильмы на пиратских сайтах, иногда играю в видеоигры. Сценарии, игры, сцена — все это фантастическая вселенная. Игра, которой я увлеклась в последнее время, очень, как бы это сказать, творческая. Гораздо интереснее, чем даже карточные игры онлайн. Тут играешь с реальным человеком, и, чтобы не ударить лицом в грязь, нужно хорошенько подготовиться. Я открываю недавно созданный файл. Он называется «Лисий хвост». Внимательно перечитываю то, что записала туда. Курсор мигает около последнего предложения, на котором вчера я торопливо закончила, мучаясь от головной боли и не в силах продолжать дальше. Начав с новой строчки, я написала: «Даже сейчас, вспоминая тот случай, я понимаю, насколько

сильно он повлиял на мою жизнь». Написала и задумалась. Имею ли я право на такое признание? Кажется, это неуместно. Как сложно писать что-то дальше.

Выхожу в Интернет и залезаю в почту. Удаляю и отправляю в спам ненужную информацию и проверяю, есть ли уведомление о прочтении письма, которое я отправила на прошлой неделе. «Прочитано». Однако ответа до сих пор нет. Чего я жду?

Я просматриваю статьи на главном экране. Видно, совсем людям приходится туго — сплошь сообщения о жутких убийствах. В основном все из-за денег. Прочитав статью про строительство, я по привычке ввожу в строку поиска три слога имени: Пак Мину. Интернет выдает разную информацию о нем. На глаза попадает старая статья о том, что его назначили ответственным за открытие цифрового центра «Ханган». В статьях и блогах полным-полно его фотографий, видео с его участием, твитов о нем — читать не хочу. Но рассказывается ли о нем, настоящем? Недавно я купила его книгу «Архитектура: искусство разрушать и строить». Зарабатывая шестьдесят тысяч в день, потратила на нее пятнадцать с лишним. От сердца оторвала, можно сказать, ведь я обычно беру книги в библиотеке и без

крайней необходимости их не покупаю. И не пожалела, потому что в ней говорилось не только о строительстве. Во многом там повторялось то, о чем он говорил на лекции, на которую я ходила, но из книги становилось лучше понятно, кто он: каковы его идеи, его философия.

Из-за того, что их звали одинаково — Мину, — мне отчего-то хотелось найти между ними связь. Когда я поделилась своими догадками с матерью Ким Мину, она, печально улыбаясь, сказала мне: «Тебе бы сценарии для мыльных опер писать». Я снова уставилась в экран компьютера. Вышла из интернета и открыла один из файлов, который назывался «Черная футболка».

Это случилось прошлым летом, когда в сезон дождей затопило мой полуподвал. Мне страшно было заходить в квартиру, поэтому я позвонила Мину, и он примчался на своем стареньком джипе. Мы молча вычерпывали грязную воду из комнаты и кухни. Помещения и постель были совершенно мокрыми, и я не могла здесь ночевать. Я спала в подвальном помещении театра на надувном матрасе для кемпинга. Ким Мину, узнав об этом, говорил, что лучше бы я поехала к ним домой. В конце

концов я решила и вправду пожить несколько дней у него. Мы не встречались, и появляться у него дома было неловко, но в моей ситуации это казалось наилучшим вариантом.

Его мама жила в Пучхоне в съемной квартире с одной спальней и кухней, служащей также и гостиной. Когда мы приехали, дома никого не было. Ким Мину заварил лапшу и поставил ее на стол вместе с миской кимчи. Квартира располагалась на двенадцатом этаже, и из окна дул освежающий ветерок. Мне подумалось, что тут можно жить человеку, в отличие от моего подвала. За дверью был коридор, ведущий в кухню-гостиную, в котором стоял длинный книжный шкаф, выглядевший в этой квартире чужеродно. Там было на удивление много книг. Некоторые из них я читала, некоторые только хотела прочитать.

— Ого, ты много читаешь. Это все твое?

— Мама любит читать. Благодаря ей и я немного втянулся.

Ким Мину пошел пылесосить, а я, чтобы помочь ему, убрала вокруг раковины и помыла ванную комнату. Его мама пришла после одиннадцати вечера. Как я узнала потом, она работала в большом супермаркете в центре города. Рожденная в начале шестидесятых, она до сих пор была красива и выглядела мо-

ложаво. Только располнела с возрастом. Заинтригованная моим визитом, она купила в ближайшем магазинчике пива и закусок и теперь суетливо чистила фрукты. Мы расселись вокруг стоявшего в углу стола со столешницей, похожей на алюминиевый поднос.

— Ухи поживет у нас несколько дней? У нее квартиру затопило, — объяснил Ким Мину матери.

Она не возражала.

— Тебя я редко вижу, так что не против, если у нас дома побудет кто-то еще.

Она не спрашивала, чем я занимаюсь, где живут мои родители, в каких отношениях я с ее сыном. Спросила только, сколько мне лет. Узнав, что двадцать восемь, сказала, что это хороший возраст. Голова на плечах уже есть, и о жизни кое-что знаем, но еще молоды и силы есть.

— Да нет, она совсем не знает жизни. Ушла с работы и пошла в театр спектакли ставить — как так?

Услышав слова Мину, его мама бросила на меня внимательный взгляд и закивала.

— Все равно молодец. Умудряешься выживать и оставаться в театре.

Мину, покосившись на часы, встал:

— Я пойду спать.

— Эй, в кои-то веки ты дома и сразу на боковую? У тебя же гостья!

— Завтра утром есть работа. Ухи побудет у нас несколько дней, ладно, мам?

— Я же сказала, я не против.

Мину уехал в свою съемную комнатенку, а мы с его мамой засиделись за полночь, допивая пиво.

— Ты не замужем?

Ее внезапный вопрос не застал меня врасплох. Его задавали мне все старшие знакомые. Я только усмехнулась.

— Я всех бросила и теперь сама по себе.

— Что за жизнь без любви? Богач или бедняк — все одно: хорохорятся, а на душе кошки скребут. У таких, как мы, всегда все одно и то же. Ни улучшений, ни изменений.

— Ну уж, вам ли грустить — такая красавица и выглядите молодо — ни дать ни взять супруга какого-нибудь богатея.

Мама Мину заулыбалась и закивала:

— Спасибо на добром слове. Да, когда я была молодой, как ты, мне часто говорили, что я красивая.

Я прожила у них еще четыре дня. Мину тем временем позвал друзей, они починили водопровод и оклеили мою квартиру обоями.

Мама Мину была женщиной не болтливой, но приятной и дружелюбной по характеру. Узнав, что я пишу сценарии для спектаклей, она, будто почувствовав какое-то родство со мной, многое мне рассказала. Например, что в юности писала для школьной газеты, а отец Мину любил книги. Что он рано умер, сильно пострадав в аварии. Ким Мину по тем временам был поздним ребенком. До него у нее была дочь, но она умерла от кори. Еще она когда-то работала в персиковом саду, и по весне, когда зацветали цветы персика, пчел там летало больше, чем мух. Когда я уезжала четыре дня спустя, она вдруг сказала мне:

— Вот было бы здорово, если б ты жила у меня.

— Спасибо, я буду часто к вам забегать.

Однажды Ким Мину внезапно спросил:

— Зачем ты занимаешься театром?

Какое-то время я молчала, не зная, что ответить. Он никогда не задавал вопросов вот так, в лоб, и я смутилась.

— Ну... мне это нравится...

— У тебя не складывается с театром, но ты продолжаешь ставить спектакли, поэтому только подработками перебиваешься, чтобы

хоть как-то жить. А у меня-то почему ничего не клеится?

— Ну, наверно, по той же причине. Хочешь делать то, что любишь, а это не приносит успеха.

Мину проговорил, как всегда, с остановками и медленно:

— Нет, у меня не так, как у тебя. У меня нет любимого дела... Я хватаюсь за любую работу без разбора, будто пытаюсь найти доказательства, что я не один такой. Сегодня все живут, уже имея план на завтра, я же за последние десять лет так и не смог встать на ноги. Каждый год я снова и снова подписывал контракт, а ребята, с которыми мы вместе начинали, потихоньку исчезали. Потом и меня уволили.

Он рассказал мне, как осенью из ульев изгоняют трутней. Они сидят, замерев, словно неживые, на стенах или стволах деревьев, пока не начнется день, по-осеннему теплый и солнечный. Тогда они, собрав последние силы, летят мимо пожухлых хризантем. Пчелам трутни больше не нужны, и их не пускают обратно в улей, они летают так пару дней, а потом падают замертво на мерзлую землю. Еще он вспоминал вестерны. Как переселенцы, построив заимку, гнали лошадей дальше, к горизонту, и, втыкая флаги в землю, зани-

мали все новые территории. А что было бы, если бы собрались люди на острове Чечжудо или где-то на южном побережье и побежали бы с флагами занимать себе дома? Наверное, такой, как он, поспешил бы к мамочке, чтобы утешиться в ее объятиях.

Перед увольнением Ким Мину работал на участках под снос. Все: и он, временный сотрудник, и постоянные сотрудники — начальство, менеджеры и рабочие, которых присылали рекрутинговые компании, — отлично знали, как работает подобный бизнес. У застройщика была сплетена целая паутина из связей: с консалтинговой фирмой, с комитетом городского планирования, с мэрией, с администрацией. В доле были и члены комиссии по продвижению, и парламентарии, так что развитие проекта шло как по маслу. Куда уезжать местным жителям, которые не смогут заселиться во вновь построенные дома? Людям, которых уже не в первый раз вот так вот с наскоку лишали жилья, было некуда податься. Большинство обосновались здесь, помыкавшись по дюжине разных мест. Все — и дети, и женщины, и старики — выходили на улицу с плакатами, пытались протестовать, но им навстречу ехали экскаваторы, которые за считанные минуты разрушали все, освобождая место надвигающимся словно

армия инопланетных захватчиков рабочим с инструментами в руках.

Раньше, когда эти районы обустроивались, нужно было заходить в каждый дом и различными ухищрениями получать согласие на проведение работ, но теперь достаточно провести общее заседание по реновации. Предостережения и просьбы по возможности удерживаться от драк в офисе — всего лишь очередная формальность. Толчки, пинки, удары, мат и оскорбления, порванная одежда на женщинах, сбивающие с ног оплеухи — молодчики не гнушаются ничем. И потом, когда экскаваторы начинают безжалостно крушить еще вполне добротные дома, сквозь грохот раздаются лишь бессильные крики тех, кто пытается защититься. Первые три-четыре дня люди еще сопротивляются, но на дороге скапливается все больше обломков и мусора, и одна семья за другой покидают район, пока все жители не исчезнут вместе с домами, как выметенные осколки.

Ким Мину находил подходящий пустой дом, где рабочие могли пообедать и отдохнуть и откуда можно было управлять демонтажем на объекте. Зоны, подлежащие реновации, лежали в руинах, как будто после бомбежек, потом приезжали грузовики, вывозили все до последнего обломка, и район, казавшийся

раньше таким просторным, снова становился маленьким невзрачным пустырем, которым был когда-то. Ким Мину проводил на объекте несколько недель и, само собой, у него появлялись приятели среди рабочих. Так он подружился с одним парнем, своим ровесником, из тех, кто сквернословит как дышит. Он был бригадиром, а до этого дважды сидел за драки. Как правило, все рабочие делились на две группы: строители и охранники. Последних — крепких, боевых парней использовали в том числе для разгона забастовок. Однажды они с Мину вместе выпивали, и он спросил, знает ли Мину, какая у него мечта.

— Вот тебе раз, да у тебя еще мечты остались?

— Слушай-ка, сидел я как-то с одним парнем. Смазливый был, как баба, ну чисто альфонс, музыкантом работал в каком-то закрытом клубе. Как после смены придем, он все давай что-то рисовать. Я как-то отнял у него его мазню, смотрю — там чертеж, что ли, какой-то, че это, спрашиваю, а он говорит, это, мол, ипподром в Квачхоне.

— Ну и чего, теперь мечтаешь по-крупному поставить?

— Правильно мыслишь. Хочу все выгрести у них.

Отсидев, с музыкантом он больше не встречался, но план его не забыл и сам поехал на ипподром, чтобы там осмотреться. На ипподроме было множество касс, в каждую из которых по выходным поступали миллиарды вон. В каждой кассе, закрытой на электронный замок, дежурили кассирша и охранник. Код замка менялся каждый раз, когда кто-то входил или выходил, а в чрезвычайной ситуации замок автоматически блокировался. Если взять кассиршу в долю, то дело верное.

— Там минимум четверо человек нужно, — добавил он.

— Ты фильмов не пересмотрел, часом?

Никак не реагируя на слова Мину, он показал ему на телефоне несколько фотографий, сделанных в окрестностях ипподрома. Так что Мину уже месяц жил по соседству с парнем, который лелеял такие грандиозные мечты.

Как-то позвонил водитель экскаватора. Семья, живущая в доме на самой вершине холма, отказывалась выезжать. Все вокруг уже демонтировали, а тут застряли. Бригадир и Мину, взяв с собой нескольких охранников, прибежали на место и увидели, что экскаватор, сломав забор, стоит с включенным двигателем во дворе, а перед ним лежит старик, рядом стоит мужик средних лет, вероятно его сын,

с поленом в руках, две женщины и трое детей. Самый старший — тощий высокий парень, лет десяти — что-то кричал во всю глотку. Бригадир отдал привычное распоряжение:

— Так, взрослых четверо. Со взрослых начинаем.

Дело было несложное, и охранники не спеша двинулись во двор.

— Да хорош, успокойтесь.

— Пошли-пошли, а то хуже будет.

— Все уже, давайте отсюда.

Урезонивая людей, охранники поволокли их прочь со двора. Женщины вырывались, старик махал руками и ногами, но их удалось выгнать за забор, а мужик, видимо хозяин дома, сопротивлялся, обороняясь поленом. Мину и бригадир вцепились в полено и, вырвав его из рук мужика, отбросили подальше. Дети с ревом побежали за взрослыми на улицу, но старший доходяга, что-то крича, вдруг сорвался в сторону напоминавшего гигантскую руку экскаватора, который как раз начинал движение. В суматохе никто не обратил на мальчишку внимания, и тот схватился прямо за железную ладонь. Его хрупкое тело взмыло вверх, как бабочка на ветру, и со стуком упало обратно на землю. Заглушив двигатель слишком поздно, водитель вылез из кабины. Поглядев на

окровавленное тело мальчика, распростертое на обломках цементных блоков, он повернулся к остальным рабочим и завопил:

— Вы видели? Он сам полез на машину!

Женщина, вырвавшись из удерживающих ее рук, пронзительно завизжала и бросилась к тету. Бригадир обратился к Мину:

— Эх, нехорошо получилось. Надо скорую быстрее.

Мину позвонил в скорую и в главный офис. Вся семья, будто обезумев, побежала обратно на участок. Погибший на месте парень, как оказалось, был умственно отсталым. Налетели журналисты, и стройку на некоторое время закрыли. Ким Мину вернулся в офис, и спустя месяц его уволили. Своего нового друга, бригадира, он больше не встречал. На ипподроме в Квачхоне каждые выходные кишмя кишел народ, но ничего необыкновенного там не случалось.

Удивительная штука человеческая память. Одни и те же события с течением времени у разных людей могут полностью забыться или превратиться в совершенно непохожие друг на друга воспоминания. Так было у меня и Чха Суны. Ей казалось, что я легко выкинул из головы и ее, и наш район, но она ошибалась.

Внимательно перечитав письмо Чха Суны, я вспомнил, как впервые приехал домой, уже став студентом университета. Начались каникулы, я был свободен от занятий, мне не нужно было платить за комнату, и я мог ненадолго вернуться в наш район. По вечерам я сменял отца в лавке и готовил омул. Девушка, которая раньше помогала отцу, ушла, потому что обожглась кипящим маслом, и рабочих рук не хватало. Летом начиналась жара, и заказов у закусовых и лавочек становилось меньше, но стоило подуть прохладному ветру,

и клиентов сразу было предостаточно. Во время душного и влажного сезона дождей находиться рядом с натопленной углем печью, на которой стояла кастрюля с кипящим маслом, было особенно тяжело — пот градом катился по спине и груди. Чуть облегчало жизнь то, что рыбу теперь измельчали в мясорубке и смешивать фарш с крахмалом и растертыми бобами стало не так трудно. За короткие несколько дней я на своей шкуре почувствовал, каково было отцу с его парализованной ногой все эти годы.

Кажется, родители страшно переживали, что я в свои каникулы помогаю им. Мама, не умолкая, нахваливала своего сына-студента перед другими торговцами, а неразговорчивый отец, лишь только наступал вечер и клиентов становилось больше, спешил вытолкать меня из лавки.

Как и раньше, я, завернув в газету развалившийся на куски омук, направился вверх по главной улице. Открыв дверь лапшичной, услышал радостный возглас мамы Суны:

— Батюшки! Когда ж ты успел так повзрослеть? Встретила бы на улице — не узнала!

На шум вышел отец Суны, а следом показала и она сама. Девушка похудела и смотрела

уныло. Едва кивнув мне, заспешила обратно в комнату.

У меня не было сестер, в школах в наше время мальчишки и девочки учились отдельно, и в отношениях я был полным профаном. Я был совершенно сбит с толку и не мог даже предположить, почему Суна вдруг так холодно обошлась со мной. Я с досадой сказал себе, что пора бы уже перестать бегать за симпатичной девчушкой с соседней улицы. Нужно взять себя в руки. Решимость построить свою жизнь как можно дальше отсюда помогла мне совладать с обидой и разочарованием.

Заходил я и к братьям Чемёну и Чегыну. Дела у них шли хорошо, и они устроили обувную чистку, сняв помещение в 7 пхёнов на первом этаже здания в переулке за кинотеатром. Самодельный шатер на деревянных шестах сменился презентабельным помещением. Чемён расположился за столом в дальнем углу комнаты, а ребята чистили ботинки, сидя на раскладных стульях или табуретках для рыбалки. В стороне стояла в ряд вычищенная обувь. Некоторые клиенты, листая газеты, ждали прямо тут, пока почистят их пару. Больше не нужно было дежурить у театра или чайной, чтобы заполучить клиентуру, — весь район вокруг перекрестка теперь чистил обувь только

у них. Под командованием Чемёна было больше десяти ребят. Чегын отвечал за восьмерых; у входа на рынок они организовали самую настоящую штаб-квартиру.

История с тренером тхэквондо продолжалась. После того как Чесоп выбил из него дух, тренер на некоторое время пропал, а потом пришел Пень и сказал, что тот предлагает выйти на честный бой. Условия были такими: в шесть часов вечера на стадионе у начальной школы встречаются главные противники, Чемён и тренер, с собой каждый может привести только по одному свидетелю. Чесоп, который и так редко появлялся дома, да к тому же уже имел судимость, после инцидента с тренером где-то затаился. Пень, скорее всего, думал, что с одним Чемёном тренер справится на раз-два. Они понятия не имели, что Чемён занимался спортом и был бойцом, поднаторевшим в настоящих схватках. Хотя, безусловно, то, что Чемён здесь жил и зарабатывал на хлеб, связывало ему руки — он не мог разойтись и устроить настоящую бойню. Только Чесоп, который уже отсидел в тюрьме и бывал дома лишь наездами, ничем не гнушался. Чемён и Малой давно меня не видели и теперь рассказывали, радостно перебивая друг друга, чтобы ни одна подробность от меня не укрылась.

— Вроде это май был? Ну так вот, он после того случая свой зал и прикрыл. Видать, даже на работе авторитет потерял, — тараторил Малой.

В шесть часов вечера на стадионе только несколько мальчишек играли в мяч да пара младшекласников притащили огромный велосипед и пытались научиться на нем кататься, поминутно падая и поднимая друг друга. Чемён привел с собой Малого, а у школы их уже ждали тренер с Пнём. Тренер сказал, что вокруг слишком много лишних глаз, надо найти место потише. «За школой пойдет», — коротко ответил Чемён. Там был огороженный забором пустырь, настолько просторный, что впоследствии на нем устроили парковку.

Тренер пришел в спортивной одежде и наброшенном сверху джемпере, а Чемён как был — в дешевеньком костюме начальника чистильщиков обуви. Тренер снял джемпер и отдал его Пню, с хрустом наклонив голову вправо, размял шею и, встав ровно, затянул потуже пояс. Чемён в свою очередь снял пиджак, отдал его Малому и расстегнул пару верхних пуговиц на рубашке. Противники заняли исходную позицию и пошли друг на друга. Тренер попытался первым ударить ногой с разворота. Но Чемён ушел в сторону и,

схватив его за грудки, наклонил и повалил на землю. Тренер пытался подняться, но Чемён хладнокровно бил его по лицу. Раз, второй, третий. Тренер не мог сделать ни одного приема из тхэквондо и, как в прошлый раз, оказался в нокауте.

По словам Малого, поединок и пяти секунд не продлился. Чемён, поглядев на ошалевшего Пня, кинул напоследок:

— Поняли, собаки, кто тут хозяин? В другой раз подумаете.

«Спорт — ерунда, хоть сто разрядов получи, а вот реальные драки делают бойца непобедимым». — Малого аж распирало от гордости, будто это он сам победил тренера. По мнению Чемёна, тренер вызвал его на бой, чтобы прогнать из этого района. Думал, переломает ему ноги-руки со своими профессиональными приемами и вокруг спортзала порядок наведет. А в итоге ему теперь и учеников-то тут не найти, убежал, поджав хвост, — позору не оберешься.

Пень, правда, был не из тех, кто легко сдаётся. Встретив как-то Чемёна, процедил сквозь зубы: «Здрасьте», и пошел восвояси. Зато, столкнувшись с Малым, начал угрожать:

— Братану своему скажи, по вечерам лучше пусть на улицу не выходит.

По приказу Чемёна Малой иногда давал деньги парням из компании Пня. Когда Малой упирался и кричал, что его от этого воротит, Чемён отвечал:

— Есть все хотят, а на добрый привет — добрый и ответ. Мы им дадим немного, а потом, глядишь, и они нам пригодятся.

Перед летними каникулами Пень сотворил даже по местным меркам нечто непростительное. Чемён повел меня к ларьку, который располагался напротив его мастерской. Купил две банки пива. Теперь он стал относиться ко мне немного по-другому, обращался уважительнее. Он словно показывал, что признает во мне студента университета, а не прежнего мальчишку, и с пиететом относится к тому, что мне удалось подняться на ступеньку выше по лестнице, к которой ему было даже не подойти.

— Знаешь, кто этот Пень? Я б этого сукина сына на колбасу пустил.

Чемён, шумно сглатывая, осушил банку.

— Такого страха тут нагнал, не шучу, слушай сюда. Подкараулил Чха Суну, когда она из школы возвращалась, и напал на нее.

Несколько взрослых и Малой с мальчишками видели, как она, плача и задыхаясь, бежала

мимо колонки в разорванной форме и испачканной в земле юбке.

За Чха Суной многие ревностно следили, но ни один мальчишка не знал, что мы с ней сблизились. В нашем районе мы делали вид, что не общаемся, старались никогда вместе не садиться на автобус и выходили оттуда по отдельности, а если гуляли вместе, то прощались, отойдя подальше от рынка, и возвращались домой порознь.

У меня сердце оборвалось, когда я услышал такое от Чемёна. Оказалось, Пень смел подкарауливать ее у школы, постоянно преследовал. Об этом рассказали мальчишки из компании Пня. С ними по наущению Чемёна общались парни из обувной мастерской. Да и не просто общались, а водили в закусочную угостить мясом и опрокинуть вместе по рюмочке — там-то все и раскрывалось.

— Хочу его поучить, ты со мной?

До меня потихоньку начало доходить, почему Суна смотрела так мрачно, когда я приходил к ним с омуком, почему, едва завидев меня на улице, с неприступным видом проходила мимо, делая вид, что не замечает. Меня переполняла ярость, я готов был сию секунду разорвать этого Пня на куски. Возмущение Чемёна, будто бы это все в первую очередь

его касалось, тоже сильно меня задело. Малой, который, похоже, готовился к делу заранее, протянул нам дубинки.

— Себе берите, парни, я так пойду, — отказался Чемён.

— Он там не один будет, пригодится, — заметил Малой, взяв себе бейсбольную биту, а мне протягивая деревянную дубинку.

Мы с Чемёном и Малым перешли центральную улицу и направились к тому месту, где обычно собиралась шайка Пня. Мы поднялись до тупика, свернули налево и спустились в район, расположенный с другой стороны горы. Тут жили еще беднее, чем у нас. Во втором переулке был нужный нам дом. Мы ненадолго остановились у двери — внутри шла гулянка, слышались голоса и смех. Чемён, прислушиваясь, прошептал:

— Я иду внутрь, а вы тут стойте и встречайте всех, кто будет выходить.

Выбив ногой дверь, он вбежал в помещение. Погас свет, послышался звон бьющегося стекла, крики и звуки драки, один из парней попытался убежать. Тут-то мы с Малым принялись лупить палками направо и налево, в темноте не разбирая, где голова, где спина, где руки-ноги. Парень упал, за ним выбежал следующий, мы накинулись и на него. Так

мы поймали троих на выходе, как барсуков в норе. Наконец изнутри высунулся Чемён:

— Я все уже.

Малой взбудораженно спросил, где Пень.

— Да там лежит. Чуть не убил уroda, — ответил Чемён.

Мы зашли внутрь, и Чемён включил свет в кухне. На полу распластался окровавленный Пень. Вокруг него валялась какая-то одежда и все было усыпано битым стеклом — осколками ламп, рюмок и чашек. Чемён пнул ногой Пня в бок.

— Вставай, умирает он.

Чемён приподнял Пня и усадил его. Тот с трудом пошевелился, попытался вытереть обеими руками кровь, текущую изо рта. Чемён еле-еле успокоился. Начал говорить, говорить так, будто он парень Суны:

— Еще раз тебя увижу в нашем районе — убью. Слышь, урод? Это еще родители Суны не знают, что ты с ней делал. А то ты бы уже баланду хлебал. Завтра же свалишь отсюда. Твой старенький батя на стройке вкалывает, негоже ему видеть тебя на нарах. Усек?

Чемён достал из кармана кошелек, оттуда — несколько банкнот и бросил у ног Пня:

— Это на дорогу.

Осенью после каникул я устроился домашним учителем. Наконец я мог съехать из жалкой комнатухи, которую снимал. Работа досталась мне от старшекурсника, которого забирали в армию, моим подопечным должен был стать школьник, ему оставалось два года до поступления в университет. Впервые попав в район, где за неприступными заборами прятались особняки, я чувствовал себя крайне подавленно.

В гостиной с высоченным потолком я встретился с матерью моего ученика. Она со вздохом сообщила мне, что ее сын занимался с прежним репетитором с тех пор, как перешел в старшие классы, и оценки за это время, конечно, стали лучше, но в целом успеваемость все равно хромает. Что у него в одно ухо влетает, в другое — вылетает: сегодня что-то выучил, а завтра уже не может ответить ни на один вопрос.

У отца моего ученика, генерала, были награды за операции в горячих точках. Спустя много лет после рождения сына у них родилась еще и дочь. Офицеры и солдаты, которые, случалось, заходили к ним в дом, всегда вытягивались в струнку и козыряли, стоило им завидеть хозяйку.

Мне выделили комнату в дальней части дома, за окнами которой зеленел лес. Для уроков с подопечным и для моих личных занятий мне было позволено использовать генеральский кабинет. Погрузившись в учебу, свою и чужую, я совершенно забыл о жизни в районе на склоне горы. Даже когда хозяйка как-то спросила меня, откуда я, ответил: из Ёнсана.

Для моего ученика я стал старшим товарищем, доверенным лицом, которому он мог излить душу. Он был младше меня всего на пару лет, но такой несмышленный, будто ему еще до выпуска учиться и учиться. Может, слишком уж с ним нянчились, пока он был единственным сыном. Вместе с тем он робел перед отцом так, что при нем из мальчика и слова было не вытянуть. Во время наших первых встреч он меня демонстративно игнорировал и вместо учебников внаглую читал взявшийся не пойми откуда «Плейбой». Я делал вид, что ничего не замечаю.

Слустя месяц я повел его к нам на рынок. Не обращая внимания на неодобрительные взгляды родителей, я усадил его рядом с собой в лавке и около часа жарил омук. Потом повел его к Чемёну и Малому в обувную ма-

стерскую. Чемён ради такого случая выделил время и купил нам выпить.

Паренек явно заробел перед Чемёном с его поведением и манерой разговаривать. Это передо мной он мог куражиться, а тут — куда что делось? После нескольких кружек пива он покраснелся и еле дышал. Чемён быстро смекнул, в чем дело, и стал меня нахвалять что было мочи.

— Да ты знаешь, что за человек наш Пак Мину, да его вся округа уважает! Кто не знает Мину, тот тут и пяти секунд не продержится. И такой вот человек каждое утро — за учебники. В такой университет поступил, это ж надо! Я тоже собираюсь учиться.

Мой подопечный изо всех сил пытался не показать, насколько поразило его то, что я на короткой ноге с настоящими плохими парнями. Хотя, конечно, я привел его сюда не для того, чтобы заставить трепетать и бояться. Мне хотелось показать ему себя без прикрас, показать то, чем я жил. Хотелось дать ему понять, насколько обстоятельства и условия его жизни выигрышны по сравнению с моими, как бы он это ни воспринял. Кажется, он сделал совсем не те выводы, на которые я по наивности надеялся, но, пусть все пошло не

по плану, посещение нашего района так или иначе сыграло мне на руку.

События того дня стали нашей общей тайной. Если бы его родители узнали, что я вместо того, чтобы учить их сына, отвел его в пивную, нам обоим бы не поздоровилось. Он рассказал мне, о чем на самом деле мечтает: он хотел стать кинорежиссером и путешествовать. Другими словами, развлекаться он хотел, а не учиться. Я поддакивал ему, что это, мол, потрясающая идея. А потом подсовывал старые добрые увещевания: сначала нужно подтянуть оценки, а потом можно двигаться в любом направлении, в каком только захочется. Подкинул ему как приманку идею про учебу за границей. Только английский подучи, а там и на стажировку сможешь поехать, и путешествовать, и набраться опыта в съемках, и стать всемирно известным режиссером. Еще пообещал за старания раз в месяц брать его в горы, просто погулять или заночевать в палатке. Я понимал, что, если буду знакомить его с новым миром за пределами дома и школы, то мы сможем подружиться еще больше.

В конце концов он стал относиться ко мне, как к старшему брату: рассказывал обо всем, что происходило в школе, оценки понемногу

исправлялись. Во время экзаменов он безропотно занимался со мной ночи напролет. Видя, что сын начал лучше учиться, хозяйка принялась советовать со мной насчет его будущей профессии. Услышав про его план стать режиссером, она аж подпрыгнула. Отец ни за что не согласится. Я убеждал ее, что нужно уважать желания ребенка, тогда у него появится решимость сделать что-то для собственного будущего. Пусть учит кинематографию, а работу потом можно поискать и другую, в какой-то смежной области. Я работал у них до своего третьего курса и помог ему поступить в университет. Так я начал прокладывать свою дорогу в жизнь.

После третьего года обучения меня забрали служить. Генерал тем временем уволился из армии и устроился директором на государственном предприятии. Я же, вернувшись по истечении срока в университет, получил диплом и уехал за границу учиться дальше. Человек благороднейшей души, не раз помогал он мне за эти годы. Сейчас генерала уже нет, а жена его, говорят, до сих пор живет вместе с сыном в добром здравии.

С моим подопечным мы крепко сдружились; он впоследствии какое-то время работал на телевидении, а сейчас возглавляет

продюсерскую компанию, которая снимает сериалы. Вряд ли справедливо будет говорить, что его жизнь сложилась благодаря мне, но вот на мою судьбу встреча с этой семьей повлияла очень сильно. Такие, как он, рождены под счастливой звездой — если хоть что-то представляешь собой, получится все, что пожелаешь. Эти люди теряют место под солнцем, только если откровенно пускают свою жизнь под откос. Для меня же, мальчика из бедного района, выбраться из нищеты и зажить совершенно другой жизнью — это чудо, и за плечами таких, как я, сложные истории. Я нуждался в чем-то, что поможет справиться с трудностями. Разве меня не окружали со всех сторон такие же люди, как я сам? Их было сразу видно, стоило только выглянуть в окно отеля в центре города, откуда открывался прекрасный вид на небоскребы и улицы, сверкающие огнями торговых центров и подсвеченные крестами церквей. Все мы в эпоху военной диктатуры, в годы несвободы и насилия искали утешения — кто в этих церквях, кто в элитных товарах из этих супермаркетов. Кто-то опирался на звучавшую с экранов идею «кто сильный — тот и прав». Все мы нуждались в ком-то или в чем-то, что

помогало нам убеждать себя в правильности своего выбора. В этом смысле я ничем не отличался от остальных.

Мне отчетливо вспомнилось, как я несколько раз встречался с Чха Суной с того момента, как устроился домашним учителем, до моего отъезда на учебу за границу. Каждый раз, когда случались какие-то перемены, возникал повод встретиться. Как-то она позвонила в дом генерала. Горничная сказала, что мне звонят, и я подумал, что это мама. Она подолгу не звонила, только если происходило что-то важное. «Алло!» — сказал я, но мне никто не отвечал.

— Это Суна, — сдержанно сказала она чуть погодя.

Оказалось, она узнала номер телефона места, где я теперь жил, и звонила сказать, что была неподалеку. Мы встретились в тихой чайной около фешенебельного района, где жил генерал, и я почувствовал, что стыжусь ее. Она выглядела такой деревенщиной в своей заношенной одежде, с дешевой сумочкой, которую она постоянно теребила, усевшись в уголке лицом к стене.

— Какими судьбами?

— Вышла прогуляться, — выпалила она без промедления. Прежде чем я успел что-то еще спросить, она сказала:

— Я слышала, ты уходишь в армию.

Я знал, что она уже дважды провалила экзамены в университет, это было менее опасной темой для разговора, и я решил закинуть удочку насчет ее следующей попытки.

— А у тебя как дела? К экзаменам готовишься?

— Я не буду больше поступать. Отец велел мне устраиваться на работу.

— Так вот почему ты приехала сюда? — уточнил я тоном наставника, усвоенным во время работы домашним учителем. Она вдруг искусственно рассмеялась:

— Ты считаешь меня ребенком? Я всего на год тебя младше!

— Я просто волнуюсь за тебя...

Она попросила купить ей пива. И провести с ней этот день, а если откажусь, она вообще не знает, как будет жить дальше. Казалось, она что-то задумала. Мне стало тревожно. Меня раздирали противоположные чувства. Я порвал с домом, но Суна, которая оставалась там, казалось, могла в любой момент снова затянуть меня обратно, и это пугало. Она по-прежнему привлекала

меня, но я был уже другим, поэтому старался увеличить расстояние между нами и встречаться как можно реже, прикрываясь работой. Я словно жил уже в другом мире и мне было неприятно напоминание о прежнем. И если совсем честно: домогательства Пня и возмездие Чемёна, которому я был свидетелем, будто осквернили мои чувства. Мне не хотелось больше участвовать в нелепых разборках ребятни из трущоб.

Но как возбуждало то, что она сама нашла меня, сама пришла. С тех самых пор, что мы встречались в нашем районе, я был одержим желанием переспать с ней. Я мастурбировал, представляя себе ее тело. Эгоист, я повел ее в пивную. Задолго до начала комендантского часа мы пришли в мотель. В ту ночь я был неловок, но страстен.

На следующий день на залитой ярким солнцем улице Суна нарочито бодрым голосом пожелала мне удачи в армии. Нас окружала толпа людей, дороги были переполнены машинами и автобусами, как всегда в час пик. Но почему-то все вокруг казалось чужим и незнакомым. Я сморщился и закрыл лицо ладонью, как козырьком, будто меня слепило солнце. Наскоро пробормотал:

— Буду дома — зайду.

Пролетело еще несколько лет. Отслужив в армии, я ехал проведать родителей и у входа на рынок вдруг наткнулся на Суну. Точнее, спускаясь с лестницы надземного перехода, я заметил знакомое лицо — она шла от автобусной остановки. Приезжая домой на побывку во время службы, я никогда не спрашивал о ней. Не замечая меня, она миновала лестницу и пошла дальше по дороге. Поколебавшись немного, я позвал:

— Суна!

Позвал негромко, и, если бы она не услышала, наверное, не стал бы окликать снова. Но она, хоть и была уже на приличном расстоянии, вдруг остановилась и быстро обернулась:

— Господи, Мину!

Мы одновременно огляделись по сторонам. Чайной уже не было, а на ее месте появилась закусочная с популярными в то время блюдами в западном стиле. В таких обычно были отделенные ширмами места для каждого столика, украшенные ветвями или виноградными лозами из пластика. На Суне был простой костюм, легкий макияж, она была все так же прекрасна.

— Когда ты вернулся?

— Около месяца назад.

— А университет?

— Собираюсь восстанавливаться. А ты откуда идешь?

— С работы.

— Ты вроде говорила, будешь где-то в провинции работать?

— Да нет, небольшая компания в Сеуле.

— Что там делаешь?

— Да в бухгалтерии то-сё, всякие поручения...

— Все равно здорово. Сейчас с работой сложно.

— Да ничего сложного. Там директор — папин знакомый.

— Хорошо иметь поддержку.

Меня то и дело приветствовали ребята, с которыми мы вместе росли. Я как бы невзначай спросил:

— Ты замуж-то не вышла?

Она без запинки ответила:

— Ну вот, ты университет окончишь и тогда...

Потом прыснула со смеху и добавила:

— Да не пугайся ты так сильно!

Говорить больше было не о чем. Мы смущенно посидели в кафе. Суна вскоре встала и тихо сказала, что она на минуточку. Я не спеша выкурил сигарету, ожидая ее возвращения из дамской комнаты. Прошло минут

двадцать. Я встал и в растерянности пошел к кассе, озираясь то в сторону туалета, то в сторону выхода.

— Ваша спутница уже расплатилась перед уходом, — сказал мне официант.

Восстановившись в университете, я изредка и ненадолго приезжал домой, все время проводя в лавке на рынке, — и так до самого выпуска. Перед окончанием учебы я прошел собеседование с директором компании «Хёнсан констракшн» и устроился на работу. Получив рекомендацию от своего ведущего профессора, я смог сразу же приступить к практической деятельности. В то время дел было так много, что я работал дни и ночи, а спал урывками на диване в офисе. Трудились мы в одной команде с Ли Ёнбином и другими стажерами. Тогда же я ухитрился сдать экзамены на государственную стипендию для обучения за границей. В тот год разворачивались события в Кванджу*, и ситуация в стране и мире была нестабильной. Из-за чрезвычайного положения на улицах повсюду стояли танки, а у зда-

* В 1980 г. в городе Кванджу вспыхнуло восстание против политики действующего президента, жестоко подавленное корейским правительством.

ний телекомпаний, государственных учреждений и университетов дежурил вооруженный спецназ в полном обмундировании. По городу ползли слухи о множестве раненых и убитых в Кванджу.

Я ни разу не был в Кванджу, но, зная, о чем шепчутся старшие коллеги, наслушавшись сплетен, не мог успокаивать себя тем, что не имею отношения к этому городу. Все догадывались, почему год назад убили президента, так же как и могли себе представить уровень амбиций новой правящей верхушки. Однако для нас в конечном итоге самым важным становилось то, успешны ли проекты, соответствующие направлению, которое задает правительство. Даже теряя немного в прибыли, мы росли, ориентируясь на пожелания правящей силы. Оглядываясь назад, мы чувствовали угрызения совести, но всегда знали, что это быстро пройдет. Да и сейчас очень хорошо это знаем. Приехав впоследствии в Америку и увидев снимки и документальные видео о происходящем в Корее в то время, я осознал, в какой апатии находился тогда, и это было для меня серьезным ударом.

После демобилизации я вернулся в дом генерала. Работал там до тех пор, пока не нашел постоянное место по профессии. Те-

перь мне поручили заниматься английским с младшей дочкой генерала, которая оканчивала начальные классы. Моя комната на втором этаже ждала меня в неприкосновенности. Генерал и его супруга вели себя так, будто я был их старшим ребенком. Ведь их родной сын, который рос один и всегда тосковал, что у него нет брата, ходил по пятам и смотрел мне в рот. А я был щедр на советы, даром что со своей жизнью разобраться толком не мог.

Когда я начал работать в строительной компании и собрался на учебу за границу, супруга генерала начала намекать мне, мол, есть у соседской семьи несколько дочерей, а младшая-то и красавица, и умница, скоро окончит школу и тоже собирается учиться за рубежом. В конце концов при содействии хозяйки мы с девушкой встретились, и даже пошли разговоры о грядущей свадьбе. Я с самого начала честно признался, в какой семье рожден. Но отец девушки, дипломат, то и дело работавший в других странах, возможно, в силу профессии был великодушен, услышав о нашей бедности. «Не страшно, была бы голова на плечах», — был его ответ.

После встречи у рынка мы не виделись с Суной очень и очень долго. Я работал и не

часто бывал дома. О том, как дела в лавке лапшичника, у матери не спрашивал. Не то что специально сдерживался, просто считал, что Суна уже не имеет никакого отношения к моей жизни. Подумаешь, переспали разок.

Но вот однажды Суна позвонила мне на работу. Сердце мое не забилося, как бывало раньше, и от нетерпеливого возбуждения не свело живот. Вместо этого меня захлестнуло чувство вины. Как она жила все это время? Я понял, что ни разу не вспомнил о ней.

Мы договорились встретиться в кафе в центре города, и, войдя внутрь, я долго озираясь — на ней был какой-то мужской пиджак, похожий на робу, и я с трудом узнал ее. Конечно, я заплатил за ужин, ведь мы знали друг друга с детства, в одном районе росли. Она была мрачна. Оказалось, пока я был в армии, умер ее отец. Лапшичную вообще закрыли — а я и не знал. Она понимала, что я о ней и думать забыл. Я спросил, где она теперь живет. Оказалось, переехала, но недалеко, в район по соседству, так что можно считать, осталась жить на том же месте. Спросил про работу — сказала, недавно уволилась. Поужинав, мы не стали расходиться сразу, а зашли в бар

С разливным пивом — такие появились в то время на каждом углу. Напиться не напились, но выпили прилично.

— Откуда ты узнала, где я работаю?

Приняв серьезный вид, она ответила:

— А что, думал, сбежишь от меня? Да я могу о тебе узнать все что угодно когда угодно!

И прыснула со смеху, как раньше. Насмеявшись, она спросила:

— Ты, говорят, за границу собрался?

Вот я дурак! Матушки-то наши на рынке как встретятся, так давай лясы точить. А я, как сдал экзамены для стажировки — сразу к родителям, поделиться радостью. И к Чемёну в пивную заходил. Решив все проблемы с обувными мастерскими, он открыл еще и приличную пивную. Это было модное тогда заведение, где рядом с гостями усаживались девушки, можно было пить и петь в караоке. Столы были разделены ширмами, и в зале играли музыканты. Оборотистый Чемён знал толк в таких заведениях, так что в клиентах недостатка не было. Я рассказал Чемёну, что у меня появилась невеста.

Мы много выпили с Суной в тот вечер. Уже близился комендантский час, и пора было расходиться. Тут она призналась:

— Вообще-то у меня к тебе есть просьба.

Я чувствовал, что все это время она выпивала со мной, но думала о чем-то своем.

— У тебя вроде был какой-то человек — большая шишка в армии?

— Что случилось?

— Знакомого одного арестовали.

— Я его знаю?

Она кивнула. В тот момент я все понял.

— Ты говоришь про... Чемёна?

Она опять кивнула. У меня и до этого мелькала мысль, что где-то я уже видел этот мужской джемпер.

— Вы... вместе живете?

— Нет. Просто он помогает нам с мамой.

Несколько дней назад за Чемёном приехали следователь и начальник местного отдела полиции, в юрисдикции которого состояли питейные заведения, и с тех пор от него ни слуху ни духу. Мёсун попыталась хоть что-нибудь выяснить в участке, но никто ей ничего не объяснил, и по слухам, возможно, Чемёна отправили в воинскую часть. После выхода указа о чрезвычайных мерах по борьбе с общественным злом по стране прокатилась волна арестов, и впоследствии стало известно, что многих заключенных принудитель-

но отправляли в так называемые «отряды перевоспитания»^{*}.

Я проводил Суну до дороги и поймал ей такси. Прежде чем сесть в салон, она порывисто обняла меня и прошептала:

— Прощай. Поздравляю с помолвкой.

Машина уже уехала, а я все стоял и смотрел вслед.

Я был не в восторге от ее просьбы, но оставаться в стороне в случае с Чемёном не мог. После нескольких дней колебаний я осторожно заговорил с генералом о случившемся. Выслушав меня, он спросил, что нас с Чемёном связывает. Я ответил, что он мой дальний родственник, никакой не бандит, а просто владелец развлекательного заведения. Он прямо из гостиной набрал чей-то номер. Прочитал

* В 1980 г. в Республике Корея был принят закон о чрезвычайных мерах по борьбе с общественным злом: насилием, мошенничеством и наркотиками. Любой подозреваемый по одной из этих статей мог быть без суда отправлен в заключение. Около 37 тысяч человек таким образом попали в так называемые «отряды перевоспитания», устроенные наподобие армейских лагерей и предназначенные для уничтожения мятежных настроений в обществе. В «отрядах перевоспитания» заключенных подвергали чрезмерным физическим нагрузкам и избиениям, морили голодом.

кому-то имя и адрес, которые я написал на бумажке, и велел разобраться.

После того случая я обручился с девушкой, которую мне сосватала жена генерала, и мы вместе уехали учиться в США. Когда я защищал диссертацию, умер отец моей невесты, дипломат на пенсии. Вскоре после этого вся их семья эмигрировала в США, и мы сыграли свадьбу в Нью-Йорке. Мои родители приехать не могли, и на скромном бракосочетании присутствовали только родственники жены и некоторые знакомые, которые появились у нас в США.

Зимой, перед тем как все это случилось, я не видела Ким Мину около месяца. Его мама как-то прислала мне смс с приглашением прийти к ней в гости, но у меня совсем не было времени. Да и вообще было не до этого, потому что спектакль по моей пьесе вышел, но кассовые сборы были весьма скромными, и это меня сильно подкосило. Завтруппой тут же возобновил репетиции иностранной пьесы, отодвинув мой спектакль на задний план. Эта зима была долгой, безнадежной и унылой, никакой радости. От Мину известий не было, да я и не думала о нем, поглощенная собственной жизнью. Вообще, конечно, того огонька, что бывает между мужчиной и женщиной, между нами не было. Встречи с ним дарили мне спокойствие и поддержку, не более.

Шел снег, потом закончился, и небо ослепило синевой — в то морозное утро мне по-

звонили. Звук на моем мобильном был отключен, и телефон вибрировал и жужжал. На экране высветился незнакомый номер. Я не подошла, и тут же вслед за звонком пришла смс. Просили перезвонить из какого-то полицейского участка. Никаких преступлений я не совершала, так что вероятнее всего звонили по каким-то административным делам. Я знала, что в таких случаях надо сделать, что просят, и тогда все пройдет гладко, поэтому сразу же перезвонила. «Это Чон Ухи?» — «Да, что случилось?» — «Все объясню при встрече». — «Что-то срочное?» Мой собеседник явно не хотел чего-то говорить. Я слышала его дыхание. «Если вы сейчас дома, я зайду к вам». На этот раз я не спешила с ответом. Он уверил меня, что это не займет дольше пяти минут, и, если я пришлю ему адрес, он тут же выезжает ко мне. Я согласилась и выслала ему сообщение с адресом. Наверное, он был где-то поблизости, потому что не прошло и получаса, как в дверь позвонили. Я не хотела пускать его в квартиру и заранее набросила пальто. За дверью стоял полицейский в форме. Не успела я выйти к нему, он, стоя в коридоре, задал мне вопрос:

— Вы знакомы с Ким Мину?

— Да.

— Он покончил с собой. Вам нужно поехать со мной в участок.

Я стояла, оглушенная, будто получив оплеуху.

— Что? Что вы сейчас сказали?

— Ким Мину скончался.

В участке меня усадили рядом с сотрудником, который вносил в компьютер все мои показания. Состояли в дружеских отношениях. Не состояли в любовной связи. Вместе работали, относились друг к другу как брат с сестрой. Не виделись около месяца. Я спросила, связались ли они с его матерью, на что полицейский ответил:

— Знаете, откуда у нас ваш номер? Это один из двух номеров, которые были указаны в его предсмертной записке. Второй принадлежит матери погибшего, госпоже Чха Суне. Вы обычно ничего странного за ним не замечали?

Я сказала, что он был энергичным и трудолюбивым, бегал по трем подработкам, обладал сильной волей и никогда не унывал. В свою очередь я тоже задала вопрос. О предполагаемом времени его смерти. Оказалось, он умер дней пять назад, но полиции стало все известно лишь сегодня утром. Его нашли на берегу реки неподалеку от города Чхунджу провинции Чхунчон-Пукто. Его старенький

джип стоял у воды, рядом с другим автомобилем. На ответвляющейся от шоссе грунтовой дороге редко можно было кого-то встретить, тем более зимой. Жители соседней деревни не обратили на джип внимания, подумав, что это приехал очередной любитель рыбалки. Однако они заметили, что на следующий день, и два, и три, и четыре дня спустя обе машины стояли на том же месте. Это показалось им странным, и они сообщили в полицию о двух неизвестных брошенных машинах. Полиция прислала буксировщика, и водитель обнаружил в салонах мертвые тела. В джипе два тела на передних сиденьях, два сзади — всего четыре. В автомобиле, припаркованном рядом, — еще два трупа. Все места, откуда внутрь мог проникнуть воздух: зазоры вокруг окон, отверстия под водительскими сиденьями, — были заклеены синим скотчем. В джипе валялись бутылки из-под соджу, пластиковые стаканы и покрытая пеплом переносная газовая плитка. За рулем джипа был Ким Мину, рядом с ним мужчина примерно того же возраста, житель города Ансан, сзади — брат и сестра из города Чхунчхон. В соседнем автомобиле находились тела мужчины и женщины, зарегистрированные в разных городах — Ичхоне и Чхунджу. Однако принимая во внимание

их возраст, стиль одежды, а также совместные фото и видео на найденных в их личных вещах телефонах, полиция предполагает, что они сожительствова­ли. Скорее всего, они нашли друг друга на появляющихся в последнее время сайтах коллективных самоубийств или через социальные сети. Неизвестно, кто был инициатором, ясно было только, что Ким Мину и молодой человек из Ичхона привезли всех на место. По поводу их отношений и причин самоубийства догадок не было ни у полиции, ни тем более у меня. Расшифровка телефонных разговоров показала, что они созванивались и даже встречались несколько месяцев назад. Также была найдена фотография из пивной, на которой присутствовали некоторые из них.

Каким могло быть застолье, участники которого договаривались покончить с собой? Что он написал в записке? И главное: почему он это сделал... Я задавала вопросы в никуда, бормоча себе под нос. Почему? Как? Я сама потеряла счет тому, сколько раз, лежа в своей комнате, представляла себе, что умираю. Что заснула и не проснулась. Но это были просто мысли. Потом я открывала глаза, проходил день, другой — жизнь неудержимо двигалась дальше.

После вскрытия тело отдают родственникам. Как правило, в случае с самоубийцами похоронный обряд сокращают и близкие умершего приезжают прямо в крематорий. Тело уже начинает разлагаться, поэтому церемонию проводят быстро, без прощания, так же как если человек умирает на чужбине.

Я нашла номер телефона мамы Ким Мину.
— Здравствуйте, это Ухи.

Ее голос прозвучал неожиданно спокойно.

— Вот же мерзавец... — начала она и, помолчав, добавила: — Можешь приехать ко мне?

По адресу, который она мне дала, на безлюдном склоне холма находился городской крематорий. С одной стороны располагалось кладбище и колумбарий, с другой — похожее на больницу здание, облицованное мраморной плиткой. Зайдя в зал ожидания, я тотчас заметила маму Мину. В полиции я узнала, что ее полное имя — Чха Суна, и тут, в списке родственников умершего, оно значилось. Получив талончик с номером своей очереди, мать ожидала кремации сына. Там было около десяти печей, над каждой горело электронное табло с номером и именем того, кого в данный момент кремировали. Я молча села рядом, взяв ее за руку. Когда подошла наша очередь, на экране загорелось уведомление

о том, что гроб Мину отправляют на кремацию. Сотрудник крематория, проверив наши документы, пригласил нас подойти поближе. Через огнеупорное оконное стекло было видно пламя. Мама Мину не плакала, а просто смотрела на огонь.

Несколько минут спустя нас отвели туда, где выдают урны с прахом. Работник просеял прах Мину через какое-то приспособление типа сетки, и измельчил сохранившиеся кости. Нам выдали похожую на крошечный цветочный горшок склянку с останками Мину, и мы пошли в сторону кладбища. На склоне горы местами белел снег, под ногами хлюпала подмерзшая глина. Такого рода дела длятся не дольше часа. Мама Мину обмотала вязаным шарфом голову и прикрыла лицо. Она попросила меня отвезти ее домой.

И в такси, и в поезде мы ехали молча, погружившись каждая в свои мысли. По дороге домой мама Мину зашла на местный рынок купить фруктов, мяса, кровяной колбасы, омука и две бутылки соджу. Мы зашли в квартиру: там ничего не изменилось, но стало как-то пусто. На слишком потрепанном для поминок столе мы разложили купленную по дороге еду, а соджу перелили в чайник.

— Поминальную службу организовать не получится, так давайте просто помянем его, помолимся, чтобы он возродился в раю.

Женщина ничего не ответила, только улыбнулась.

— У меня и фотографии его для поминок нет. Давай представим, что он стоит у окна.

Она разлила по рюмкам соджу из чайника и, повернувшись к окну, сказала в пустоту:

— Выпьем, сынок, я твоей любимой колбасы купила.

Она опустила голову и закрыла глаза. Я вслед за ней начала молиться. Подняв голову первой, я увидела, как слезы скатываются по ее щекам на стол. Я сидела, затаив дыхание, и смотрела на нее. Просто смотрела, как капли падают на стол все чаще. Наконец она взяла салфетку, вытерла лицо и высморкалась. Тяжело вздохнув, она подняла голову.

— Ну что ж, давай теперь реально выпьем, — пытаюсь встряхнуться, сказала она, передразнивая меня.

«Это реально грустно, это реально слишком, я реально голодная, реально бесит, давай реально выпьем» — была у меня такая привычка, повторять это словцо, «реально». Когда я впервые тут появилась, это очень забавляло ее, и она все время повторяла за мной. Я взяла

чайник, налила соджу сначала в ее рюмку, потом в свою. Мы обе глубоко вздохнули и одна за другой выпили. Она взяла рюкзак, найденный в машине около тела Мину, вытащила телефон, одежду, еще какие-то мелочи и, наконец, его предсмертную записку, которую она протянула мне. Это был маленький лист бумаги, вырванный из блокнота. На одной стороне было письмо, на другой были записаны телефон Чха Суны, ее адрес и номер моего мобильного. Я растерянно смотрела на листок, не зная, что и думать.

Мама, прости, что не смог заботиться о тебе до старости. Я беру с собой ноутбук, остальные мои вещи оставляю у себя в комнате. Забери их, пожалуйста, сама. Я кручусь по работе, не успеваю.

Все деньги, которые я смог накопить, я перевел тебе на книжку. Потрать их на врачей. Обязательно! И пусть Ухи тоже пойдет с тобой. У нее, кажется, проблемы со здоровьем. Этот подвал... уезжать ей оттуда надо. Передай, что я прошу прощения, что не смог ей помочь.

Мама, я люблю тебя.

Только теперь я заплакала. Ах ты негодяй, сам на пороге смерти, а о других пережива-

ет. В крематории я будто не осознавала, что Мину умер, не проронила ни слезинки, даже неловко как-то, но тут заревела в три ручья. Это письмо, написанное в машине в спешке, напомнило мне его: как он говорил — медленно, запинаясь, всегда стараясь оставаться подчеркнуто деловым. Я выпила соджу. Мама Мину вдруг спросила:

— Ты любила его?

Я ничего не ответила. Она посмотрела на меня и грустно произнесла:

— Нет, ты его не любила.

По подозрению в незаконном присвоении имущества арестовали Лима, директора «Тэдон констракшн». Несколько дней назад мне сообщил об этом Чхве Сынгвон, но подробности я узнал только из выпусков новостей. Лим распродал по частям цифровой центр «Ханган» и взял кредит на огромную сумму, заложив фирму, которую он приобрел в рамках своего нового проекта, — все это сильно ударило по делам «Тэдон констракшн». Продавая жилые дома и цифровой центр, он создавал мнимую конкуренцию, сам участвовал в торгах, используя средства компании. Все это делалось для того, чтобы собрать деньги на открытие «Мира Азии» и расширить бизнес до небывалых масштабов. Я догадывался, о чем Лим просил теперь Бога на ранней литургии. Не потому ли, что сам хотел присоединиться к этой молитве?

В офисе ко мне подошел архитектор Сон и прошептал:

— К тебе пришли...

— Кто? Что им нужно?

Сон молча открыл дверь в приемную у моего кабинета. Там пили кофе двое молодых парней. Увидев меня, они нерешительно поднялись со своих мест.

— Простите, что без предупреждения.

Один из них, в костюме, протянул мне визитку — оказалось, что это следователи. Сон собрался было выйти, но я задержал его:

— Ты тоже останься.

Эти двое пристально разглядывали меня. Потом один начал спрашивать, я ли проектировал цифровой центр «Ханган» для «Тэдон констракшн», и правда ли, что наша строительная компания разрабатывала план «Мира Азии». Я, стараясь не выдавать охватившего меня раздражения, холодно отвечал:

— Мы делали чертежи, выполняя заказ. Вы хотите увидеть какие-то из них, поэтому пришли?

Второй парень, одетый попроще, в джемпер, вступил в разговор вслед за коллегой:

— Следствие показало, что «Мир Азии» — чистой воды мошенничество.

Я решил не отвечать ему.

— Это официальный допрос?

— Нет! Нет, что вы, — замахал руками парень в костюме и добавил: — Идут всякие разговоры, и нам нужна ваша помощь, поэтому мы и пришли. Если у вас разрабатывался дизайн-проект «Мира Азии», значит, должны сохраниться какие-то материалы.

— У нас что-нибудь осталось? — обратился я к Сону.

— План и фотографии мы уже давно выгрузили в общий доступ в Интернет.

Выйдя из приемной, я, оставив дверь приоткрытой, бросил напоследок:

— А теперь прошу простить, срочные дела.

Немного погодя, проводив следователей, вернулся Сон. Чтобы задобрить, я сунул ему конверт. Видавший виды Сон, перед тем как уйти, лишь немного поворчал. У меня горели щеки. Я не находил себе места. Открыв на компьютере гугл-карты, я крутил их и так, и сяк, разглядывая рельеф побережья и предгорий. Меня успокаивала мысль, что я подыскиваю себе место, где можно провести последние годы жизни и быть похороненным. У меня не осталось никого и ничего: ни времени, ни дел. В почте было пять непрочитанных писем. Одно из них было озаглавлено «Лисий хвост». «Неужели?» — подумал я и от-

крыл его. Конечно, это прислала Чха Суна. Как и в прошлый раз, там было небольшое приветственное письмо и прикрепленный файл. Она больше не писала мне «вы», а обращалась по-свойски, и тон письма почему-то стал дружелюбнее и нежнее.

Мину,

когда я услышала про твою лекцию, была весна, и не успела я оглянуться, как листва на деревьях пожелтела, а прохожие стали застегивать воротники, укрываясь от холодного утреннего ветра. Мне подумалось, что если уподобить нашу жизнь временам года, то в нашем возрасте мы как раз переживаем такую же осень. Чем дальше, тем больше наша молодость похожа на потерявшие краски воспоминания, которые хранятся на выцветших фотографиях в альбоме. Хотя наши встречи с тобой я помню хорошо и, кажется, со временем все отчетливее.

Обременять тебя я не хочу. Просто в наши годы люди начинают все чаще возвращаться мыслями в прошлое. Когда мой сын умер, я думала, что осталась одна на всем белом свете. В голову приходило ужасное. Но вдруг появился ты. Еще раз повторю: я не хочу, чтобы это было для тебя обузой. Это только мои мысли

и ничего больше. Просто чувство такое, будто нашла родного брата, с которым рассталась в юности, но я ни в коем случае ничего не хочу и не жду от тебя.

Если мы сможем хоть иногда переписываться, вспоминая ушедшие дни, то мне этого хватит с лихвой. Но если ты не хочешь, то этот имейл последний, я не буду больше писать тебе. Только расскажу, как мне жилось с тех пор, как ты уехал, — для меня это будет как глоток свежего воздуха. Словно иначе никогда не смогу покинуть наш район на склоне горы. Точнее, не так: ты тот, с кем мне хочется его покинуть. Хотя... Я скучаю по нему.

Я открыл прикрепленный файл. Суна писала, что скучает по нашему району, — да нет, она будто бы до сих пор живет там. Я окунулся в ее рассказ и словно побывал дома по ее милости. Она писала о том, как к ней стал приставать Пень, а я подолгу не приезжал, и почему-то мне казалось, что она хочет упрекнуть меня в том, что я не смог быть рядом с ней. Она писала, что целыми днями просиживала с книгой на чердаке. А утешал ее и помогал ей — Чемён. Как только выходил хороший фильм, отправлял к ней паренька, который расклеивал афиши, с билетами на сеанс. Если

нужна была помощь в лапшичной, Чемён был тут как тут.

Я знала, что он больше не вернется. Когда я думала о том, какое жалкое зрелище представляю собой рядом с Мину, мне не хотелось больше встречаться с ним. Узнав, что он очередной раз приехал домой, я сидела дома как сыч, лишь бы ненароком с ним не столкнуться. Он, к счастью, тоже меня не искал.

Больше года я по большей части сидела на чердаке, а тем временем под разными предложениями к нам заходил Чемён. До меня доходили слухи, что он проучил Пня и тот больше не появляется в нашем районе. По отношению к моим родителям Чемён был необыкновенно ласков, будто бы он им сын. Разве по дороге мне было с таким парнем, как Пак Мину? Я видела, что никто не понимает и не бережет меня так, как Чемён.

Я узнала, что Мину уходит в армию. Мне казалось, что для того, чтобы освободиться от Мину, нужно принять Чемёна. Как-то мы договорились с Чемёном съездить к нему на родину навестить могилу его отца. По мере того как этот день приближался, я все яснее ощущала, что состарюсь и умру тут, с Чемёном, и эта мысль внушала мне такое отчаяние, что

хотелось бежать прочь. Не знаю, зачем я поехала тогда к Мину. Когда я позвонила ему, то в его голосе услышала больше разочарования, чем радости. Уже тогда я начала жалеть о том, что делаю, но остановиться не могла. Мне нужно было во что бы то ни стало хоть один раз еще встретиться с ним. С Мину я была сама не своя. Попросила купить мне выпить. Нужно было остановиться тогда. Но мне казалось, я уже настолько все испортила, что хуже некуда. Эта встреча была для меня обрядом прощания. На следующий день, расставшись с ним, я забыла сесть на автобус и просто шла пешком, проходя остановку за остановкой. Прохожие косились на плачущую девушку, бредущую по улице, и, пряча глаза, спешили мимо.

— Будь счастлив, Мину, все кончено, — шептала я.

Так я попрощалась с ним.

После смерти моего отца лапшичная закрылась. Мама не могла одна делать все: и замешивать тесто, и управляться с машиной для измельчения лапши.

Мы не были женаты с Чемёном, но между тем он был мне уже как муж. С его помощью мы купили дом через дорогу, ближе к въезду в наш район, и открыли небольшой галантерейный

магазин. Я уволилась с работы и стала помогать маме в магазине. Раз в несколько дней Чемён оставался у меня на ночь. От него я узнала, что Мину обручился и уезжает с невестой за границу учиться. В скором времени Чемёна арестовали. Ходили разговоры, что полиции нужно было определенное количество человек и они хватили всех подряд без разбора. Сказать, что мне не хотелось встречаться с Мину, — ничего не сказать, но идти за помощью было больше некуда. Чемён вернулся через месяц, тощий, как сушеный минтай. Больше года понадобилось, чтобы он восстановился и стал выглядеть, как раньше. Ему нужна была помощь, и я стала жить с ним, у нас родилась дочь. Но от прежнего — энергичного, неунывающего Чемёна не осталось и следа. Его держали в «образовательном центре» и там покалечили не только физически, но и морально. Открывать пивную снова он не хотел и как только смог самостоятельно передвигаться, стал уходить из дома и встречаться со старыми друзьями. Потом я узнала, что он связался с азартными играми. Он открыл подпольный игральный клуб, «Хаус», и нанял разных шулеров, которые обманывали богачеев. Он купил поддержанную иномарку, дарил мне драгоценности и врал, что занимается оптовыми продажами алкоголя. Через несколько

лет кого-то убили в драке, когда две группировки выясняли отношения, и Чемёну присудили пятнадцать лет за организацию преступного сообщества.

Вскоре после того, как его посадили, наша дочь умерла от кори. Я сначала ничего не говорила Чемёну, но от кого-то он узнал правду. Однажды я пришла к нему в тюрьму, но он отказался выходить и передал мне записку через надзирателя. Там было написано, что теперь, когда нашей дочери не стало, я могу устроить свою жизнь, как хочу. Потом он подал прошение о переводе в другую колонию, и его увезли. Я пыталась увидеться с ним снова, но все было кончено. Так больше и не встретился со мной ни разу.

Я вернулась к матери, которая в одиночку управлялась с магазином, и через три-четыре месяца к нам повадился ходить один мужчина. Он продавал книги в рассрочку. Младше меня на три года, аккуратный и застенчивый. Продавать книги — не шибко доходный бизнес, — окончив школу, он пытался заниматься разными делами, но работник из него, по его словам, был никудышный. Я обожаю читать, и мое внимание привлекло собрание шедевров мировой литературы в тридцати томах. Тогда я и мечтать не могла о той сумме денег,

которую нужно было отдать за него, но продавец разделил платеж на десять месяцев, и даже его неуклюжие уговоры не понадобились. Легко заключив такую сделку, он воодушевился и со следующего месяца стал приходить к нам регулярно за выплатами. Если бы он был просто торговцем, я не уехала бы с ним. Но он любил читать сам и приносил интересные книги мне. Как когда-то с Мину, прочитав какой-нибудь роман, мы обсуждали его, спорили, и так между нами зародилась симпатия. Конечно, с его характером заработать на книгах было сложно. Мы переехали на его родину, в Инчхон, приобрели маленький грузовичок и торговали яйцами, овощами и фруктами. Так я начала новую жизнь.

Потом она родила сына. Писала, что жили скромно, но были счастливы. Так прошло около десяти лет. Муж ее, хоть и не был находчив, работал добросовестно, и они смогли переехать из съемной комнаты в квартиру на более выгодных условиях, а потом даже сделать какие-то накопления. Но в тот год, когда их сыну исполнилось десять лет, жизнь снова дала крен: муж попал в аварию и сильно пострадал. Никакой компенсации ему не заплатили, он слег и вскоре умер, оставив Суну по уши в долгах. Она бралась за любую работу:

убиралась, стирала, готовила у чужих людей. Все — лишь бы заплатить за квартиру. Сын рос один. Правда, к счастью, он унаследовал характер отца и был добрым и послушным ребенком. В учебе он не блистал талантами, окончил профессиональное училище, был временным работником, но смог устроиться в крупную фирму. Пока его не уволили, парень помогал менеджеру, ответственному за наем рабочих для областей, подлежащих реновации. Суна писала, каким искренним и старательным был ее мальчик. Дочитав до этого места, я остановился. Привычная картина словно ожила у меня перед глазами. Взволнованно забилось сердце. Мной овладело странное чувство, будто все это время что-то незримо связывало нас. После увольнения он подрабатывал где только мог, а прошлой осенью покончил с собой. На то, чтобы прочитать ее письмо, у меня ушел едва ли час. В прошлом остались долгие годы испытаний, выпавших на долю Суны, и всего лишь час моей жизни.

Она написала, что ехала на автобусе и напротив мэрии случайно заметила плакат с моим именем. Текст, который она прикрепила к электронному письму, заканчивался так:

Сердце екнуло, когда я увидела твое постаревшее лицо на фотографии. Хоть я не опра-

вилась от смерти сына, впервые за долгие годы поехала туда, где раньше был наш рынок. Сейчас от того района, в котором мы жили, не осталось и следа. Нет ни закусочной твоего отца, ни нашей лапшичной, ни колонок с водой, ни обувной мастерской Чемёна, ни кинотеатра, ни пешеходного моста через шоссе — ничего. Мне даже подумалось, что ничего этого никогда и не было. Когда прошли эти сорок лет? Пролетели так быстро... Люди, родившиеся после нас, как волна, хлынули на эти улицы.

Да, кстати. Я назвала сына твоим именем. Его звали Ким Мину. Он должен был жить просто, но счастливо, как мы. Но в чем-то мы ошиблись. Почему наши дети так поступают?

Так заканчивалось ее письмо. Безо всякой причины меня продолжало терзать чувство, будто Суна упрекает меня. Пара писем — это слишком мало, чтобы описать человеческую жизнь. Кроме того, в ее рассказ была вплетена и моя судьба — мне вспоминались люди и события, которые остались далеко в прошлом. В смятении я встал и начал ходить туда-сюда, ненадолго остановился у окна. Мне казалось, что мое тело исчезает. Начиная с нижней части — сначала ноги, потом руки словно растворялись в воздухе, осталось одно туловище.

Я видел свое отражение в стекле на фоне пейзажа, раскинувшегося за окном, будто через объектив пленочного фотоаппарата. «Кто ты?» — будто прозвучал вопрос с той стороны.

— Вы на звонок не ответите? — спросила моя сотрудница, приоткрыв дверь.

Только тут я понял, что у меня на столе трезвонит телефон. Я взял его в руки и обратился к ней:

— У тебя сигарет нету?

Она принесла мне сигареты и спички, и я прежде всего сделал несколько глубоких затяжек. Наверное, из-за того, что я давно не курил, у меня закружилась голова, и я плюхнулся на стул. Звонил профессор Ли Ёнбин. Я вдруг стал спрашивать у него, где он и что делает. Он сказал, что скоро свадьба у его младшего и он собирается прислать мне приглашение. Я предложил ему выпить вечером, и он ошеломленно спросил, не случилось ли у меня чего. Сказал, что сегодня занят, предложил встретиться завтра, я согласился, мы договорились еще созвониться и попрощались. Я медленно выкурил сигарету всю целиком до фильтра. Безвольно поддавшись апатии, я долго сидел, растерянно глядя в одну точку.

Потом я перевел взгляд на экран компьютера, помедлив немного, набрал в строке по-

иска «реконструкция городов». Информации было море, перед глазами замелькали фотографии и тексты. Я вернулся из Америки с женой и дочерью спустя десять лет, мне было уже около сорока. В США я набрался опыта, поучаствовав в нескольких международных проектах. Я вернулся в компанию «Хёнсан констракшн» на руководящую должность, как раз когда строительные проекты шли полным ходом и фирма разрасталась. На одной из фотографий я увидел то самое место, где мы с Юн Пёнгу в середине девяностых выполняли план по благоустройству жилой среды. Как раз тогда обрушился торговый комплекс «Сампхун»*. Здания, построенные в период модернизации, были проверены на безопасность, и оказалось, что около восьмидесяти процентов построек были в неудовлетворительном состоянии, а остальные двадцать все равно нуждались в ремонте и переоборудовании. Но упрощенные схемы и взяточничество, которые сопровождали строительство на всех этапах от проектирования до завершения ра-

* Обрушение торгового центра «Сампхун» в Сеуле в 1995 г. считается одной из самых крупных катастроф мирного времени в истории Республики Корея. К обрушению привели многочисленные нарушения в процессе строительства и эксплуатации здания.

бот, никуда не делись. Напротив, теперь наш рынок разросся еще больше. В тот период я открыл свою фирму, а Горелый батат Пёнгу пошел в правительство. На фотографиях было прошлое и настоящее реконструкции, в которой я участвовал буквально десять лет назад.

Я смотрел на покрывавшие склоны гор шиферные крыши, на улыбающиеся лица детей, столпившихся у ларька где-то в паутине узеньких переулков. Лишившись родных мест, где и как живут они теперь? Трещины, облепившие горы, как моллюски облепляют камни, исчезли, и на их месте взметнулись в небеса цементные стены многоэтажек. На краю поля среди развалин стоит заржавевший остов брошенной машины. В покинутых людьми переулках хозяйничает, захватывая пространство, сорная трава. Между зданиями, разрушенными словно бомбежкой, бродит тощая собака, потерявшая хозяев. Демонстранты, в основном женщины, выкрикивают что-то против выселения, некоторые держат плакаты с наспех нарисованными лозунгами. Все это мы издалека видели с Пёнгу, когда приезжали проверять обстановку на местах. Велев рабочим разогнать протестующих и отправив туда бульдозеры и экскаваторы, мы поспешно садились в машину и уезжали.

А вот на последней фотографии район, где я раньше жил. Я хорошо знал фирму, которая занималась там сносом. Мои родители уехали оттуда задолго до реконструкции, поэтому мне даже в голову не приходило поинтересоваться, что там происходит. Если бы Чха Суна не вышла со мной на связь, и я сейчас не вспоминал бы родные места. Вот главная улица, ведущая к такому привычному рынку, знакомые здания и вывески. Вот Мёсун и Суна играют в камешки, усевшись напротив ларька. А здесь я играю в петушиные бои с Чемёном и Чегыном. Нет, я не узнавал детей на фотографиях, но ведь они жили и росли в то же время, в том же месте, что и мы; мечтали так же, как и мы.

У меня были и другие воспоминания — не о семьях, что жили здесь. Я помнил процесс, который отбрасывал в сторону, сметал с пути, уничтожал память о людях. Я хорошо знал всю пищевую цепочку, которая начиналась с ассоциаций консалтинговых компаний, вела дальше в строительные компании и фирмы, оказывающие услуги по сносу, потом к подрядчикам, в местные администрации и так до самых верхов в правительстве. Мы с Пёнгу узнавали обо всем во время бесконечных совещаний, застолий и партий в гольф; из чеков

на дорогие подарки и купоны, из подробных отчетов о потраченных наличных. Я несколько раз помогал Пёнгу замять разные некрасивые истории, которые угрожали его переизбранию в парламент. Да нет, мы, конечно, нуждались друг в друге оба. Теперь же Пёнгу — Горелый батат — лежал как растение, покидая этот мир, окруженный отжившими воспоминаниями, в том самом Ёнсане, из которого в свое время уехал. А я до сих пор не думал ни о чем другом, кроме того, насколько удачно в свое время сбежал от никчемной неказистой жизни бедного района на горном склоне. Как и все свидетели той эпохи, которые не сошли с дистанции в гонке за лучшую жизнь.

Я открыл вкладку с электронной почтой. Снова перечитал последние строчки письма Суны: *«Но в чем-то мы ошиблись. Почему наши дети так поступают?»*

Нажав на кнопку «ответить», я начал писать ответ:

— Спасибо, что не забыли старого друга. Наверное, уже поздно предлагать, но, если Вы не против, я хотел бы с Вами встретиться. Когда и где Вам удобно. Буду ждать Вашего ответа.

Я ставлю чайник и достаю свой завтрак: рисовый треугольник, завернутый в водоросли, — один их тех, что захватила сегодня в магазине. Другие два съем потом, когда посплю. Включаю ноутбук, вижу выстроенные в ряд папки на главном экране. Файл со скачанными фильмами, с разговорным английским, файл с моими наработками для сценария, файл с фотографиями и другие. Чаще всего в последнее время я открываю два из них: «Лисий хвост» и «Черная футболка». Как обычно, в первую очередь подключаюсь к Интернету и скольжу взглядом по заголовкам статей. Мое внимание привлекает одна, в которой говорится об аресте директора «Тэдон констракшн», господина Лима, по подозрению в мошенничестве в особо крупных размерах. Пробегаю глазами статью и проверяю почту. Там письмо от подруги, следующее — от

завтруппой, он предлагает поставить вместе еще один спектакль, и еще одно: от господина Пак Мину. Увидев, что он предлагает встретиться, я понимаю, что игру пора заканчивать.

Некоторое время после смерти Мину я каждые выходные проводила в Пучхоне с его матерью. Кажется, мы стали опорой друг для друга. Чем дальше, тем больше меня будоражил его уход. Меня мучила совесть, как будто я, моя холодность толкнули его на самоубийство. Но живые должны жить. Мы с Чха Суной вместе ели, пили и даже смеялись. Она была клевая, как сказали бы мои ровесники. Она годилась мне в матери, но мы стали близки, как подруги. Мне было легко с ней — то ли невинной, как героиня романа, то ли бесхитростной, как ребенок.

Наступила весна, расцвели цветы — как-то вечером мы пили с ней пиво, и она вдруг рассказала о том, как ее изнасиловали, когда она была подростком. Она хорошо помнила все обстоятельства того времени. Я заметила, что у нее есть тетрадь с какими-то записями. Она попросила меня научить ее пользоваться компьютером и стала переносить свои записи в ноутбук, оставленный сыном. Окончив школу для девочек, она устроилась работать в бухгалтерию и училась печатать на машин-

ке. Этот навык, к ее радости, пригодился ей и теперь. Я как-то спросила ее, что она пишет. Она ответила:

— Да вот, записываю разное. Давно хотела. Пишу и вижу, что прожила хорошую жизнь, успокаивает.

Я сразу поняла, что она имеет в виду. Если в трудное время вести дневник или писать кому-то письма, то потом, даже если совсем плохо, внутри будет уверенность, что выкарабкаешься. Встретившись со мной однажды, она взволнованно сказала, что один человек, которого она хорошо знает с самого детства, читает лекцию в мэрии. Она рассказала мне о своей жизни в районе на склоне горы и обо всем, что было связано с тем местом. Едва дослушав ее до конца, я нетерпеливо спросила:

— Так вы назвали сына Мину в честь того человека? Не он ли отец?..

Она улыбнулась:

— Тебе бы сценарии для мыльных опер писать.

— Я пойду на лекцию с вами. Тот человек — еще неизвестно, обрадуется ли он.

Она замотала головой:

— Ой, да я так растолстела. Он разочаруется, увидев меня, — она со вздохом оглядела

себя. — Он уже давно уехал и теперь стал совсем сеульцем.

Я пошла на лекцию, ничего ей не сказав. Дождавшись окончания, передала ему записку с именем и номером телефона мамы Мину. Когда я сказала об этом ей, она впервые строго отчитала меня:

— Как тебе только такая ерунда в голову приходит?

Я решила отвлечь ее, пока она совсем не разозлилась, и предложила поспорить, позвонит он или нет.

— Да что ты удумала? Даже если он позвонит, я скажу, что номером ошибся.

— Все равно, если он позвонит, вы мне должны пятьдесят тысяч вон.

— Никаких пятидесяти тысяч!

— Серьезно? Если позвонит, дадите мне сто? Правда?

Я уже начала забывать о том случае, как вдруг она позвонила мне поздно вечером. У нее заплетался язык. Он позвонил, она не подошла, он прислал ей сообщение. Чха Суна не была алкоголичкой, но, с тех пор как осталась одна, похоже, стала частенько прикладываться к рюмке. Я сказала ей, что у нее давление, да и нехорошо это, пить в одиночку, на что она слабым голосом возразила, что

алкоголь помогает убить время. День ли, ночь ли — благодаря выпивке пролетают быстро. Я снова начала ее увещевать, но она задумчиво проговорила:

— Какое благословение — попрощаться с жизнью ночью, во сне, вот бы хорошо.

Я решила заявиться к ней на выходных с шутливым требованием отдать мне сто тысяч вон. Но парень, который дежурил в магазине по выходным, внезапно уволился, и мне пришлось выйти за него. Кроме того, на следующей неделе мы играли спектакль, и я совсем забегалась с репетициями и всем прочим. Некогда было даже позвонить, и мы посылали друг другу смс. В один прекрасный день она наконец написала, что поговорила с этим строителем, я настаивала, чтобы она с ним встретилась, но она отказывалась наотрез. Накануне премьеры я возвращалась домой после дежурства в магазине, и мне пришло от нее сообщение:

Ты освободилась? Устала? Премьера завтра? Если я не смогу, приду послезавтра. Давно не виделась, скучаю.

Но она не пришла ни на этой неделе, ни на следующей.

Я несу домой вещи, которые она оставила мне. Не прошло и нескольких месяцев с кончины Мину, как Чха Суна, пошутив насчет того, как хорошо уйти из жизни во сне, умерла ночью, словно последовав за сыном. Она скончалась в своей постели от инсульта.

Я первой узнала о случившемся. Наш спектакль шел уже три недели и на следующей заканчивался, а она и не звонила, и не пришла ни разу, поэтому я решила позвонить ей сама. Но она не отвечала на смс, а когда я набрала ее номер, оказалось, что телефон у нее отключен. Мне показалось, что это странно, и, закончив очередное дежурство в магазине, я пошла напрямик к ней домой. Дверь в ее квартиру была вся сплошь заклеена запылившимися рекламными листовками соседних ресторанов. Я нажала на звонок, и в квартире раздалась птичья трель. Никто не открывал, я нажала на звонок еще несколько раз, но в ответ слышалось только пение птиц. Я знала код от двери. День рождения Мину.

Открыв дверь, я почувствовала пугающе отвратительный запах. Я включила свет, и первое, что бросилось в глаза — оставленные на столе в кухне-гостиной бутылки из-под соджу и пива. Толкнув дверь, ведущую в единственную спальню, я увидела одеяло на кровати

и над верхним углом одеяла белое, будто обтянутое мокрой кожей лицо. Я резко остановилась, зажав руками рот, потом выбежала из квартиры и позвонила в жилищное управление. Вызвали полицейских, они за пару дней выяснили все детали, меня, как и в случае с Миной, попросили прийти в участок для короткого формального разговора — одним человеком на земле стало меньше, подумаешь, эка важность. Каждый день повсюду по разным причинам умирают люди, и каждый день рождаются. Умер, родился — дело житейское.

На вопрос, прихожусь ли я родственницей Чха Суне, я уверенно ответила, что была невестой ее сына, и мне отдали ее ноутбук, хранящиеся среди вещей в шкафу пять толстых тетрадей и фотоальбом. Альбом был мне совершенно ни к чему, в этих фотографиях теперь не разобраться. Я увезла его в Чхунджу, где умер Мину, и сожгла на том самом тихом берегу.

Как-то я заехала к ней домой забрать еще кое-какие вещи и, выходя из квартиры, заметила в коридоре цветочный горшок, в котором густо росли лисьи хвосты. За ними никто не ухаживал, и они пожелтели. Вряд ли Чха Суна специально посадила их тут, скорее всего, семена принесло ветром и они проросли, но

судя по тому, какие получились густые всходы, она, скорее всего, поливала их.

Последнее время я не вылезая из ее записей. Она написала много. Не знаю, когда она успела, но содержимое одной тетради уже было перенесено на ноутбук. Некоторые предложения, написанные от руки, были корявыми, но в электронном виде она многое исправила, и теперь, если чуть-чуть подкорректировать, из этого могла получиться неплохая книга. Однажды за чтением мне вдруг пришла странная мысль. Я почувствовала, что первым ее читателем должен стать тот мужчина.

Сократив огромный текст, я сделала своего рода выжимку и стала посылать ему отрывки. Я уже многое знаю о Пак Мину. По несколько раз в день встречаю в Интернете статьи или упоминания о нем. Отправляя ему письма, я становлюсь Чха Суной из района на склоне горы. Мне даже как-то приснилось, как, держа его за руку, я убегаю из этого подвала. Вернувшись с дежурства в магазине, я задремала за письмом. Тем временем пошел ливень и по лестнице в подвал полилась грязь. Комнату быстро затопило. Я барахталась в воде, и Ким Мину протянул мне руку, сказав, что нужно уходить. Схватив его за руку, я едва выбралась

наружу и увидела, что это не Ким Мину, а тот мужчина, Пак Мину.

Пора уходить со сцены. Я пишу ответ на письмо. Чон Ухи и Чха Суна борются за место внутри меня. Но, стоит мне начать печатать, я с легкостью становлюсь Чха Суной. Получатель: Пак Мину. «Я тоже хотела бы встретиться...»

Я прихожу в условленное место за час до встречи и оглядываюсь по сторонам. Я не видела, каким было это место раньше, но не могу почувствовать того очарования, которое читается в словах Чха Суны. На горном склоне как бесчисленные цитадели стоят многоэтажки, на высоких деревьях желтеет редкая листва. На обочине растут вечнозеленые деревья: ели, пихты. По дороге, усталой разноцветной осенней листвой, молодая мама катит коляску с закрытым козырьком. Дети играют с белой собачкой. Звонят их смеющиеся тонкие голоса.

Я спустилась по дороге, ведущей от многоэтажек, и остановилась у отеля на широкой улице. Вроде раньше тут был кинотеатр. Поднялась на последний этаж. Села в дальнем углу у окна. Это то самое место, которое я уже присмотрела раньше. Окна, в которые хорошо видно окружающий пейзаж, выходили на

восток, и по вечерам здесь было сумрачно. Высотные дома, как ширма, загораживали горный склон напротив.

В условленный час появился Пак Мину. Он был без галстука, в темно-сером костюме. Он огляделся по сторонам, и я опустила голову, чтобы не встретиться с ним взглядом. Подойдя к окнам, он постоял немного, глядя на панораму. Может, искал следы прежней улицы? Он не сел, и к нему подошел официант, что-то сказал и собрался уже показать свободные столики, но Пак Мину медленно опустился на ближайшее свободное место. Он сидел прямо напротив меня, и мне были хорошо видны его уже наполовину седые волосы и отчетливо намечающаяся лысина. Спинка пиджака оттопырилась из-за сутулых плеч. Мне подумалось, что спины мужчин в возрасте всегда выглядят печально. Он, отвлекшись от окна, словно вспомнил, зачем пришел, и повернул голову в сторону входа. Он встречал свое прошлое, которое стало моим настоящим. Отодвинув рукав, я посмотрела на часы. Прошло уже около двадцати минут с условленного времени. Я встала со своего места и направилась к нему. Подойдя ближе, я услышала телефонный звонок и его голос:

— Да, доченька. Как ты?

Я молча прошла мимо него к выходу. Я не знала, сколько он еще там просидит, но вряд ли у него ушло много времени на то, чтобы понять, что ждать нечего. Может быть, мне придется еще немного побыть Чха Суной. Потому что так мне легче жить, и потому что мне еще есть что рассказать. Есть еще история обо мне, и история, которую не смогла завершить Чха Суна.

* * *

Дочь сказала, что подумывает провести эту зиму в Корее. Ее супруг взял длительный творческий отпуск и захотел съездить в Корею. «А мама?» — вырвалось у меня. «Только мы». Помолчав, она раздраженно добавила: «Ведь ты тоже ни разу не приехал к нам — как это, пап?»

Поговорив с дочерью, я прождал еще полчаса, но Суна так и не пришла. Подумал, не подождать ли дольше, но решил, что это бесполезно, и собрался уходить. Какой смысл было назначить встречу здесь, а потом не явиться?

На улице уже сгущались сумерки. Под деревьями, высаженными вдоль улицы, валялись опавшие листья, а задержавшаяся позже обычного трава лисий хвост пожелтела и теперь мерзла на ветру.

— Смотри, домработница говорит, это все сорняки. Они светлее, чем газон. Надо разрыхлять вокруг них землю тяпкой и выдергивать с корнем, — сообщила жена, будто это была какая-то потрясающая новость, показывая мне только что выдернутый сорняк.

Я взглянул на нее из-под пляжного зонтика, делая вид, что слушаю, и снова уткнулся в газету.

— Они очень хорошо размножаются и могут уничтожить весь газон. Видишь, сколько их!

Летом жена, ворча, полола во дворе траву. Вернувшись из США и проработав со строительными проектами около десяти лет, я купил участок земли в новом городе под Сеулом и построил там дом по собственным чертежам. Жена не любила возиться в земле, но увидела, как по весне соседки разводят цветы, и ею овладело присущее ей чувство соперничества. Она разглядывала соседние дома, но никак не могла подступить к выращиванию ненавистных цветов. Спустя некоторое время она смирилась с садоводством, достала саженцы редких дикорастущих цветов и посадила их. В общем, наш двор, несмотря на свои крошечные размеры, сильно занимал ее. Я же под предлогом того, что контролирую стройку, часто отсутствовал и не вникал в обустройство

двора и подобные вопросы. Видя это, жена не могла понять, зачем я купил здесь жилье. Когда она оставалась в доме одна, ей становилось страшно, и она была недовольна переездом.

Я вдруг начал вспоминать, когда у нас стали стелить газоны. Раньше просто засыпали двор песком или землей. Делали маленькие клумбы вдоль забора, на которых росли портулак, недотроги, астры, гортензии. А газон — не подходит он нашему климату, кроме того, газоны же обычно на кладбищах разбивали, так ведь? Но потом все бросились их сажать, и газон превратился в обязательный атрибут сада любой зажиточной семьи. Как-то я стоял во дворе и размышлял, не засыпать ли двор песком вместо газона, и тут мне попались на глаза несколько знакомых пушистых головок, возвышающихся над остальными цветами. Их не заметили жена и садовница, они и вылезли. Лисьи хвосты. Я взялся за стебли, но, подумав, не стал их выдергивать. Мне показалось, что они неплохо смотрятся вместе с цветами, которые посадили специально.

В этом доме мы с женой прожили недолго. Не выдержав ее постоянных упреков, я решил переехать в студию в высотке на Каннаме — такие были на пике популярности в то время. Вскоре наши отношения испортились

настолько, что их было уже не спасти. Переехав к дочери, жена со временем поселилась в таунхаусе. Наша студия мне никогда не нравилась. Дом, в котором я живу сейчас, мне тоже не по душе. Мое единственное развлечение теперь это вертеть так и сяк карту на экране компьютера в поисках участков под строительство и мечтать, как я найду идеальное место и построю там новый дом. Правда вот, жить в нем мне не с кем.

В растерянности стоял я посреди дороги, будто не знал, в какую сторону мне идти.

СОДЕРЖАНИЕ

1.	7
2.	33
3.	48
4.	83
5.	95
6.	121
7.	137
8.	166
9.	176
10	193